Сергей Филиппов (Серж Фил)

Роман Ангелины

Фантастический
роман
о фантастической
любви

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Роман Ангелины. Фантастический роман о фантастической любви

«Издательские решения»

Филиппов (Серж Фил) С.

Роман Ангелины. Фантастический роман о фантастической любви / С. Филиппов (Серж Фил) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850254-5

Немолодой поэт влюбляется в героиню своего творения. Неожиданно оказывается, что героиня — абсолютно реальный человек. Более того, она тоже влюбляется в поэта. Казалось бы, всё складывается удачно, но между влюблёнными большая разница в возрасте, и для поэта это обстоятельство непреодолимо. Он бежит от любимой в другие времена, как прошлые, так и будущие. Но девушка устремляется вслед за любимым. В каждой эпохе влюблённых ждут приключения и смертельные опасности, но любовь должна всё преодолеть!

ISBN 978-5-44-850254-5

© Филиппов (Серж Фил) С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. БЕГСТВО 6
I 8
II 11
III 13
IV 15
V 17
VI 20
VII 23
VIII 25
Глава вторая. ЖЕРТВА 28
I 29
II 31
III 33
IV 35
V 37
VI 39
VII 41
VIII 43
IX 45
X 48
Глава третья. САТИ 50
I 51
II 53
III 55
IV 57
V 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Роман Ангелины
Фантастический роман
о фантастической любви

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Я поля влюбленным постелю
Пусть поют во сне и наяву,
Я дышу и, значит, я люблю,
Я люблю и, значит, я живу.
В. Высоцкий.

Иллюстратор Сергей Филиппов

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2017
© Сергей Филиппов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0254-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. БЕГСТВО

Россия. Окрестности С. Петербурга. 2003г.

Тёмная пелерина неба незаметно, но настойчиво высветлялась и из чёрно-белой, вернее, чёрно-серой, превращалась в светло-серую, небрежно вымазанную небесным импрессионистом ало-малиновыми полосами. И эти полосы, едва заметно мерцая, придали небесной поверхности объём, высвечивая ярче и чётче те стороны облаков, что были обращены к солнцу, в то время как противоположные края облаков ещё не налились красками и их тёмно-серые кромки терялись на фоне неба. Стройные, но пышные ёлочки ухватили первые солнечные зайчики и повесили их на свои макушки, словно не июль только-только вступил в свои права, а рождественский декабрь заканчивал очередное турне по планете.

Тишина.

Покой.

Но это всего лишь вздох, вздох певца перед началом выступления. Сейчас он наберёт в грудь воздуху и начнёт!

И он начал! Но только в самое первое мгновение певец был один. Он не успел закончить даже первую ноту, как со всех сторон запело, засвистело, защёлкало, и от недавней, казавшейся такою прочной, тишины не осталось и воспоминанья. Где уж там какому-либо хору, пусть он даже будет трижды Пятницким, сравниться с хором этим! Этот хор перепоёт кого угодно и безо всяких спевок и репетиций! Какие коленца, какие рулады! Но вот хор умолкает на миг, и в тишине теперь чётко слышится хриплое карканье простуженной вороны. Она старается вовсю, ей её пение кажется самым лучшим, самым изящным (как нам, людям, близко это чувство!). Птичий хор, цепенея от такой наглости, рассыпается, и только из черёмуховых кустов доносятся стоны – это соловей, эталон и совершенство птичьего вокала, не может сдержать негодования. Но вот невидимый дирижёр взмахивает своею палочкой, и выступление хора продолжается!

А восток уже цветёт красно-золотым заревом. Вот-вот солнце выползет на бледно-сиреневое небо и полновластно там воцарится.

И, наконец, вот он, первый луч, яркий и резкий, как удар клинка в начале поединка!

Роман стоит у окна давно, всю короткую, незрелую, прозрачную ночь. Но для него нет ни времени, ни этой белой ночи. Не сразу он чувствует и уколы лучей-клинков, хотя они очень настырны и вышибают из глаз капельки слёз. Но, когда жжение в глазах становится невыносимым, а капельки превращаются в ручейки, Роман отворачивает лицо и смахивает влагу со щёк. Он подходит к зеркалу и долго вглядывается в него. Да, вряд ли ему нравится то, что он там видит: воспалённые глаза, трёхдневная щетина и полное отсутствие во взоре желания жить. И только муки, душевные муки так явственны и зримы на этом изможднённом лице. Видать, здоров и массивен камень, что гнетёт душу. Такой бы взять, обрамить цветами и венками, и он так здорово подойдёт к могилке! И будут приходить зеваки, и любоваться им, и восхищаться его величиной, и умиляться красотой, и… снисходительно осуждать того, кто улёгся под ним до срока, но по своей глупости! А вы так разве не делаете? Не учите уму-разуму, стоя над цветущим холмиком, тех, кто жил не по вашим правилам, дышал не вашим воздухом, любил не вашею любовью?! Нет? Значит, вы просто молодцы, и памятник вам уже где-то высекают и переводят деньги за газ, чтобы вечный огонь возле него не угасал!..

Роман резко тряхнул головой, словно пытаясь прогнать отражение, но оно, криво ухмыльнувшись, засело в чреве зеркала намертво. Тогда он отвернулся, подошёл к столу, заваленному исписанными листками, и уселся прямо на него и на эти листки:

– Ну что, поэт, закис? Струсил? Душонка и внутренности трясутся, а во рту сохнет? Ты же всё решил, всё разложил по полочкам, все потаённые уголки осветил лампочкой логики!

Роман вытащил из лежавшей на столе пачки сигарету, сунул её в рот и, достав из кармана зажигалку, вновь заговорил сам с собой:

– Видишь, до чего ты дошёл, даже курить начал. А ведь лет пятнадцать игнорировал это дело! Погоди, ещё и запьёшь горькую, коли тут на денёк задержишься. А то и того проще – дурдом или кладбище!.. Смелее, раз всё решено! Смелее! Вспомни Пушкина, уж он-то не колебался, пошёл на Чёрную речку, хоть и чётко знал, чем всё кончится!

Роман чиркнул зажигалкой, прикурил сигарету и вновь подошёл к зеркалу. И его отражение не замедлило появиться:

– А как же она? Ведь она так прекрасна, так невинна! Ты не боишься, что она без тебя погибнет?! Она тебя так любит!

Роман глубоко вдохнул сигаретный дым раз, другой и энергично замотал головой, словно желал, чтобы она оторвалась от шеи и укатилась прочь:

– Нет-нет! Это ей только кажется, она слишком юна, она так неискушённа! Она ещё совсем ребёнок. В этом возрасте все влюбляются, а после всё проходит бесследно, как майские заморозки.

Отражение в зеркале скривилось, словно у него там, в зазеркалье, могли болеть зубы:

– Ты всё придумываешь, нет, ты всё врёшь! Придумывать – это твоё ремесло, но ты – врёшь! Врёшь себе, врёшь ей. А она просто тебя любит, любит и совсем не думает о разнице в летах! А ты думаешь! Нет, ты её не любишь!

– Я люблю её, это ты врёшь! Я и жив только ею! – Роман пытался вытянуть из сигареты дым, не замечая, что она совсем сгорела. – Я люблю её и поэтому… я должен уйти!

Он снова подошёл к столу и выудил из-под листков небольшой стеклянный пузырёк. Поднёс к глазам, встряхнул его, и в пузырьке что-то чуть слышно брякнуло. Роман открыл пробку и вытряхнул на ладонь содержимое склянки. Это были несколько белых горошин величиной с большую дробину. Потом он закатил все горошинки обратно в пузырёк, оставив на ладони одну, а склянку спрятал в карман куртки:

– Ну, вот и всё, пора. Пусть я решил неправильно, но я решил и назад шагнуть уже нельзя!

В это время до ушей Романа донёсся певучий скрип входной двери, и послышались чьи-то лёгкие шаги:

– Это она! Скорее!

Роман без раздумий бросил в рот горошинку, и она, попав на влажный язык, мгновенно растаяла. Тело сбросило вес. Потолок плавно поменялся местом с полом, окно раздалось вширь и стало больше стены. Свет перед глазами Романа сначала погас, но тут же появился, но теперь был он голубым, с сиреневым отливом. Звуки пропали, и тишина осязаемо ударила по барабанным перепонкам, отчего внутри сделалось муторно и тоскливо. Но очень скоро вернулось спокойствие и даже некоторое блаженство, и Роман понял, что его куда-то несёт невидимое течение. Свет и сознание стали меркнуть, и последнее, что смог увидеть он, были глаза его любимой, полные слёз и печали…

I

Роман в последний раз ударил по клавише пишущей машинки и откинулся на спинку стула. Старенький стул устало и привычно скрипнул, словно жалуясь на свои преклонные года и на своего хозяина, абсолютно не щадящего ни свою мебель, да и ни самого себя. Но Роман не слышал ничего. Ни этих жалостливых стонов колченогого приятеля, ни потрескивания деревянного дома, ёжащегося от февральского мороза.

Вот и закончено произведение, вот и поставлена последняя точка в романе. Но где же радость на лице творца? Где ликование? Или не получилось то, что было задумано? Сюжет ли порастерял кружевную изящность, рифмы ли вышли тусклы и банальны или финал – венец творенья – не разложил всё по своим полочкам? А может быть, просто усталость, обычная усталость всему виною? А как вы думали, только размахивание кувалдой утомляет до отрубания? Или рыхление грядок и перетаскивание с родных предприятий в милые дома излишков сырья и товаров? Конечно же, и перемывание косточек ближних, и выявление неправедного образа жизни дальних тоже работка ещё та – трудоёмкая и утомительная! И всё же, смею вас уверить, что написать что-нибудь путное – это работка будь здоров! И силы она отнимает и физические, и душевные, выжимая из писателя больше, чем он в состоянии отдать. Нет-нет, никакого противоречия в этом не высвечивается, но если вы не верите, то попробуйте сами что-либо сочинить, и, будь то проза-жизнь или стихи-смерть, вы поймёте, вы почувствуете всей своей сущностью, что не такое уж это лёгкое занятие – сочинительство!

Но что-то мы отвлеклись от нашего героя. Итак, он закончил роман, но вместо радости и удовлетворённого изнеможения впал в хандру, затосковал. И нет больше, кажется, причин, объясняющих это. Точно нет? А вот и неправда. Есть! Есть, и это не просто одна из причин, это – главнейшая причина. Это – смысл жизни! Это – ЛЮБОВЬ!

Всё? Отсмеялись? Отдышались? Да-да, я явственно слышу все эпитеты, которые вы щедро отпускаете в мой адрес. Но неужели же вы думаете, что я вам всё не объясню?! Все вы, конечно, испытали любовь, ну, или хотя бы о ней слышали, что есть, мол, такая штука, от которой люди умирают и воскресают, взлетают в небеса или обрушиваются в геенну огненную. И, любит ли мужчина женщину или женщина мужчину, либо, как это стало модно ныне, любовь голубеет и розовеет, но объект любви – человек живой, из плоти и крови (есть, правда, некие некрофилы, но они слишком смердят, чтобы о них стоило говорить). А вот ведь бывает любовь и иная. И в этом случае объекты любви не живые люди (но и не мёртвые, слава богу!), они – придуманные! Да что я вам открываю тайны, вы же прекрасно всё знаете и помните и Пигмалиона, и Галатею. Вот так и Роман, подобно древнему ваятелю, влюбился в свой персонаж. Он её, придуманную самим собой, знал и представлял до мельчайших деталей, до завитка русых волос, до искорки лукавства в голубых глазах. Он ясно видел, как она хмурится или улыбается, как прикусывает губку, о чём-то задумываясь. Он чётко слышал её голос, звонкий, чистый и немного низкий. Он знал все её жесты, походку, привычки, он не просто всё это знал, он всё это лицезрел воочию. Он был уверен, что хоть это он её и придумал, но она есть, она реально существует! Единственное, чего не знал Роман – где она? И ещё он, цепенея от ужаса, понимал, что никогда и нигде её не встретит!

– Вот и всё, роман закончен, а с ним закончена и жизнь! – Роман поднялся со скрипучего стула, походил минуту по комнате и упал на диван. – Как я ни оттягивал этот момент, как ни пытался обмануть сам себя, уповая на ненормальность психики, всё тщетно. Видно, дьявол подсказал мне этот сюжет. – Он уткнулся лицом в подушку, глуша стон, готовый

вырваться из истерзанной души, и захрипел, словно пришло его последнее, смертное мгновение.

Нет, не сразу, далеко не сразу вошла в Романа эта странная любовь. Да и не может писатель или поэт не влюбляться в свои персонажи, будь они самые мрачные и несимпатичные. Поначалу он только любовался своею героиней, восхищался её мыслями и поступками, следил с волнением за её жизнью.

Тут нужно сделать маленькое пояснение, а то, я вижу, вы и на меня-то смотрите, как на человека со слегка сдвинутой «крышей». Я вас уверяю, что это только так кажется, что писатель сам, волею своей фантазии ведёт героев по лабиринту сюжета и определяет все их действия. Отнюдь нет. Придумав основную линию сюжета и главных героев, писателю остаётся только наблюдать за ними и всё записывать. Я ничуть не придумываю, это чистая правда, а если какой-то литератор станет вас уверять, что это он и только он хозяин своего произведения и своих героев, то… не читайте его «творения» и не вникайте в его слова, этот человек просто зарабатывает писаниной!

Одним словом, любование и восхищение Романом героиней своею легко и незримо переросло в самую настоящую любовь! Я и сам почти не верю, что так может случиться, но ведь… случилось же!..

Час ли пролежал в полубредовом оцепенении на диванчике Роман или день, или прошло четверть вечности, а, быть может, промелькнуло лишь мгновение, неведомо, но внезапно всё изменилось. Роман резко поднялся с ложа, потянулся до хруста в суставах и потёр кулаками глаза.

– Как странно, – пробормотал он, – кажется, я не спал, но мне снился сон. Но я ничего, абсолютно ничего не помню, ни единой детали! Но то, что это было прекрасно – несомненно!

Он присел к столу, взял в руки последний исписанный листок своего романа и улыбнулся. Да, чёрт возьми, он улыбнулся! Впервые за последние дни или даже недели! Что же произошло? Не лишился ли, боже мой, бедный Роман последних крупиц разума под действием этой странной любви?!

Нет-нет, не бойтесь, рассудок его не помутился, по крайней мере, больше, чем у кого-либо из нас. Всё происходит именно так, как и должно происходить, по всем правилам сочинительства. Необходимо максимально нагнести обстановку перед основными событиями. А поскольку вот-вот должно произойти явление героини (моей самой любимой героини!), то мне и приходится, волей-неволей, подчиняться этим правилам. И опять я слышу упрёки, что, дескать, не велик тот писатель, кто действует в угоду каких-то правил, пусть и общепринятых. Нужно экспериментировать и наплевать на все каноны, только тогда можно создать что-то действительно грандиозное! Тысячу раз, миллион раз согласен с вами! И всё же мне есть оправдания. Во-первых, если у вас хватит терпения дочитать этот роман до конца (или, хотя бы, до половины), то вы сможете заметить и, надеюсь, оценить, что меньше всего я стараюсь соблюдать какие бы то ни было правила. А во-вторых, кто вам сказал, что мне очень хочется прослыть великим? Хотя, конечно, это было бы не самым плохим, что случается в жизни художника, но тщеславие – хвала Господу Богу! – не моя стезя.

А Роман, пробежав глазами последние строки своего творения, вновь улыбнулся:

– Что со мною происходит? Почему мне так хорошо, почему я абсолютно спокоен? Может быть, Бог смилостивился и забрал обратно то, чем он меня так щедро, но по ошибке одарил?

Конечно же, никто не шепнул на ушко ответы на эти глобальные вопросы, да Роман и не ждал этого, он был человеком, который сам задаёт вопросы, и сам же на них отвечает. Да будь иначе, не фиг было бы ему и браться за перо!

Печка ли слишком добросовестно начала отдавать тепло прогоревших берёзовых дров или кровь побежала по телу быстрее, но Роману стало нестерпимо жарко. Он расстегнул ворот джемпера, а потом решил и вовсе его снять, но передумал. Он сделал по-другому: вышел сначала на верандочку, а потом и на крыльцо.

А природа явно готовила сюрпризик. Ещё недавно, яркое до рези в глазах, звёздное небо помутнело, словно его задёрнули куском старого, измочаленного штормами паруса, а прозрачный, как ключевая вода, воздух стал видим и осязаем. Проснулся ветер и негромко принялся что-то напевать. Вначале его пение походило на колыбельную и было приятно и мелодично. Сухая позёмка зашевелилась и начала искусно заплетать снежные косички, перевивая их в красивейшие узоры. Но вот ветру наскучило колыбельное однообразие, он на мгновение совсем утих, но тут же дунул мощно, порывисто, и аккуратный узор снежного макраме легко рассыпался на миллионы частичек. На сером небе уже появились первые гости. Хотя нет, это были вовсе не гости, это были завоеватели, вернее их дозор – тяжёлые чёрные тучи. Они надвигались быстро и неотвратимо, царапая свои брюшины об острые пики елей, и из этих разорванных брюшин просыпались грязно-белые хлопья. А ветер уже не пел, он рычал и бесновался! Он легко и грубо хватал за макушки сосны и берёзы и безжалостно гнул их к земле, пытаясь переломить напополам, а снежные массы свивал в огромные серые валы, но тут же их распускал и бросал в серое небо.

Роман стоял на крыльце и восторженно наблюдал за рождением пурги. А та, словно видя это, старалась вовсю. Она плакала, выла и хохотала, стонала и вздыхала с придыханием, как коварная соблазнительница. Но Роману она представлялась пьяной маляршей, которой стали вдруг ненавистны все цвета, кроме серого, и она окрасила всё-всё в грязные, неживые, мрачные оттенки этого колера.

– Ах, чёрт, какая прелесть! Кажется, что весь мир встал на дыбы и потерял разум и расчётливость! Ах, какой ветер, какая свежесть!

Роман вдохнул резко и глубоко коктейль из свежайшего ветра, на треть разбавленного снежной пылью, и внутри него будто вспыхнуло пламя бенгальских огней – оно горело, но не обжигало.

А пурга, на мгновение умолкнув, вдруг яростно вскричала, как роженица в пик схваток, и утихла совсем. Этот крик эхом прокатился в голове Романа, а сердце как будто остановилось.

Прекратилась и пурга.

Плевра серой пелены медленно разорвалась и явила перед Романом ЕЁ!

Да, это была ОНА! Та, которую он сам по крупицам вылеплял, со страстью, с великой любовью. Он, её создатель, вдохнувший в неё жизнь, но он же и ставший её рабом!

II

«Нет, так не бывает! Это сказка!» – слышатся мне скептические возгласы. Да конечно не бывает, не бывает! Я и сам это прекрасно знаю. И всё-таки это произошло, это случилось, и случилось именно так! Я ведь вам объяснял, что мог бы всё это придумать и представить более реально. Но в том-то и дело, что ничего я не придумываю, я лишь записываю то, что происходит, и уж коли я написал так, значит, так оно и было. Честно-честно, мне и самому-то верится во всё это с трудом!

Роман застыл, как глыба мрамора. В первое мгновение он даже не понял, что же произошло. Эх, где же вы, Родены, Проксители и Церетели, ведь вот, перед вами, такой бесподобный материал! Был бы я ваятель, я б такое высек из него!

Оцепенение прошло быстро, и наконец-то наш бедный поэт стал осознавать, что перед ним не чудное видение его мечтаний, а существо земное, реальное!

А она же ничуть не удивилась такому приёму, словно предвидела его или, может быть, просто знала, как неотразима?! Ведь была она так прекрасна, что, будь на моём месте даже сам великий Пушкин, и он бы не нашёл нужных эпитетов (Сергеич, надеюсь, ты на меня не в обиде?!). Мороз-эстет слегка подкрасил её щёчки и оттенил припухлость губок, но он не груб с нею, не холоден, он нежен и осторожен. Угомонившаяся пурга, пошив из снежного пуха платье, бережно накинула его на неё и замолчала, знать, любовалась своим шитьём и, конечно, ею. Налюбовавшись, пурга вскочила на спину ветру и помчала прочь отсюда, чтобы ломать покой другим.

Да, здесь она покой сломала! Сердце Романа бьёт набат, лёгкие задыхаются, глаза слезятся. Весь свет плывёт и раскачивается, и глаза поэта не видят ничего и никого, только она перед ним, только ОНА! Каждая чёрточка, каждая деталь её ему знакомы, но она ещё прекраснее, ещё милее, чем та, которой он любовался в своих реальных мечтах!

Он бросился к ней, нет, он полетел к ней, как сокол, как коршун, как орлан. Сейчас, сейчас он бросится к её ногам, обнимет их и, наверное, умрёт от счастья! А если не умрёт, то расскажет, нет, пропоёт о своей любви и пусть она решает дальше, как ему жить, да и жить ли вообще!

Эх, как легко совершать безумные шаги, как легко признаваться в любви не в реальности, а лишь мысленно! Как легко находятся именно те слова, что нужны, как просто и непринуждённо они скатываются к стопам любимых! Вам это тоже знакомо? Тогда вы без труда поймёте, что никуда Роман не помчался, тем более, не полетел и не упал к ногам любимой! Как самый зачуханный истукан с острова Пасхи стоял он на крылечке и явно не в состоянии был что-либо сказать или сделать. Скорее всего, он бы так и окочурился от холода, если бы она не проявила инициативу:

– Я вижу, вас я удивила! – она потёрла носик варежкой и по-детски рассмеялась, но смех этот был некоей защитой – и в ней, верно, тоже жили робость и неловкость.

Роман от звуков волшебного голоска ожил и задышал, потом зачерпнул ладошкой мягкий пушистый снег, бросил себе в лицо, и его понесло. Он быстро о чём-то заговорил, засуетился, рывком распахнул дверь и предложил гостье войти.

Она вошла и первым делом прижалась к горячему печному боку:

– Как хорошо, боже мой! – прошептала она, словно пропела.

Потом скинула шуршащий пуховик и небрежно, но грациозно бросила его на стул. Красивый, узорчатый свитер был ей немножко велик, но, тем не менее, красиво и выгодно подчёркивал безукоризненные формы её фигуры.

А Роман глядел, и всё больше узнавал в гостье свою выдуманную любимую, в мгновение ока ставшую такою реальной и близкой. Да, это они, озорные, но ласковые глаза, это они, подружки-брови, отступившие друг от дружки, словно меж них промчала тень ссоры! Да, это они, нежные губки, которые слепил самый великий, но грозный ваятель! И эти губки, чуть влажные и сочные, разлепились, и полились певучие, как плачь свирели, слова:

– Если бы вы знали, Роман Петрович, как я рада видеть вас и этот дом! Я много раз тут бывала, я всё здесь знаю. Вот там, за печкой, стоит столик, за которым вы так любите работать, особенно, когда на улице лютует мороз или колобродит метель. Ваша рука бежит, и на бумажной глади тянется цепочка неровных, иногда и вам не сразу понятных слов. Но это не неряшливость, это – вдохновение, наитие. Да и не может быть иначе, ведь если стихи пишутся ровными, чёткими строчками, значит, в них нет ни страсти, ни боли, ни любви! – она умолкла, но внимательно смотрела на Романа, ожидая, каков же будет эффект от произнесённых слов.

А эффект был. Да нет, это был не эффект, это был аффект! Легко и непринуждённо покинула Романа логика, а, вместе с нею, и здравый смысл, ну, и за компанию с ними, реальность восприятия окружающего мира. Все умные и полугениальные мысли веером разлетелись кто куда, а в голове осталась лишь мыслишка одна, простая, но очень верная:

«Да, много раз я прощался с умом, и часто это мне казалось самым правильным и нужным. Но чтобы сказать уму „прощай“ именно сейчас, когда повстречался со своей мечтой!..»

Роман едва не застонал от непонимания и неприятия реальности, но одна из вернувшихся мыслей поспешила ему на подмогу:

«Но ты же сам её придумал, а вдруг и она придумала тебя?!»

Нет, эта мысль не помогла, она ещё больше запутала поэта:

«Она меня придумала? Так что ж, меня, получается, и нет?»

Скорее всего, рассудок Романа раскололся бы на несколько частей и отчалил в разные стороны, но опять помогла гостья:

– Роман Петрович, вы меня простите за мой розыгрыш, но мне так хотелось вас удивить. А объясняется всё очень просто: мой папа – Геннадий Павлович.

– Генка?! – широко распахнул глаза Роман.

– Да. А меня зовут Гела. Ангелина. Папа говорил, что вы самый его близкий друг, и, если что с ним вдруг случится, то я у вас всегда найду помощь. – Голос Ангелины дрогнул, и слёзы, быстрые, как олени, помчали по шелковистой коже щёчек, обгоняя друг друга.

III

Эх ты, литератор хренов, думаешь, что закрутил сюжет очень оригинально?! Да это всё так банально и пресно!

Вы подумали, что это я сам себя ругаю? Нет, это вы произносите эти гневные словеса, снисходительно, и с чувством превосходства улыбаясь. И не нужно качать в благородном отрицании головою. Если и не сказали вы этих слов, то уж подумали, точно! Но я абсолютно не в претензии, критика – дело святое. В своё оправдание я лишь вновь напомню вам о вышеупомянутых правилах сочинительства. Как бы, интересно, я ввёл героиню в роман, чтобы это произошло максимально органично: объяснило бы её явление именно теперь и связало бы те нити повествования, которые до сего момента вольно змеились? Ну как, я вам доказал свою правоту? Нет?! Ну и прекрасно! Если честно, то я и сам-то ни шиша не знаю этих правил!

Прекрасная гостья давно уже витала в сладком зефире снов, а наш бедный поэт, лёжа на верном диванчике, рвал свою душу на узкие длинные полоски, дымящиеся испарениями горячей крови. Вероятно, это всё слишком выспренно, но иных слов я подобрать не могу. Вы скажете, что тут-то уж явное несоответствие: чего ради страдать, когда любимая под боком?! Расшнуровывай язык и своди с ума её своим красноречием! Конечно, конечно, всё так бы и случилось, но вот, нравственность, что делать с нею? При чём здесь нравственность? Ах да, я совсем забыл сообщить одну важную деталь: возраст. Роман уже давненько топтал матушку-землю, он приближался к своему сорок седьмому дню рождения, и, конечно же, не испытывал от этого особого восторга. А вот для Ангелины нынешнее лето должно было стать лишь семнадцатым! И пусть Роман на вид казался гораздо моложе, а душою своей был просто юн, а Ангелина, напротив, выглядела, как вполне зрелая молодая женщина, но тридцать лет, что меж них проросли – это для поэта стало катастрофой! Для многих, вероятно, разница в годах не стала бы даже заминкой, и они с упоением, не стесняясь своего возраста, открылись бы любимым. Но наш поэт был личностью иною, он был рабом этой самой пресловутой нравственности! Только каноны её он устанавливал для себя сам, а, приняв их, следовал им неукоснительно. Ну и потом, если бы он во всём открылся Ангелине, а она взяла б, да и бросилась в ответ на его шею, то что бы произошло далее? Правильно, они бы поженились, нарожали детушек и жили б себе, поживали. Вам нравится этот вариант? Тогда бросайте к чертям чтение, считайте, что всё так и произошло, и наслаждайтесь счастливым житьём героев! А я всё-таки пойду за ними дальше, мне очень хочется узнать, как же сложатся их судьбы на самом деле!

Роман плеснул остатки коньяка в стакан, сжал посудину в двух ладонях, поднёс к губам, но пить не стал и поставил стакан на стол. В утробе поэта уже плескалась приличная доза солнечного напитка, но опьянения не наступало, а, вместе с ним, не наступало и облегчения.

Вообще-то, Роман практически не пил, да и курить бросил уже давным-давно, но сегодня, уложив уставшую Ангелину в постель, руки его сами, безо всяких команд мозга, достали бутылку, сорвали с неё резную шапочку, набулькали полный стакан и влили содержимое в несопротивляющийся организм. Организм вначале ужаснулся такому ударному количеству допинга, но, когда следом за первым стаканом влетели ещё два полустакана, он понял, что рыпаться бесполезно!

– Боже мой, боже мой! – хрипло прошептал Роман. – Неужели это всё происходит в реалии, а не есть фантазия моего неугомонного мозга?! Ведь, увидев её, я почти поверил, что

свершилось величайшее чудо! А потом… потом посыпались эти удары, и я всё потерял, всё, ради чего стоило жить! Нет больше друга. И она, мечтой о которой я только и жил, стала бесконечно далека и недосягаема! Нет, вряд ли есть страшнее муки, чем те, что я терплю сейчас! Неужели грехи мои так велики и тяжки, что мне послано во искупление их самое тяжёлое наказание?! Ну почему бы смерти, этой милой и работящей старушке, не зайти ко мне, я бы теперь пошёл за нею с величайшей радостью!

Роман схватил стакан и влил коньяк в себя с такой поспешностью, словно от этого зависела его дальнейшая жизнь.

– А как же она? – вновь зашептал он. – Я с таким вожделением призываю смерть, но совсем не думаю о Геле. Она ведь приехала ко мне, потому что на всём свете у неё никого не осталось! Разве я имею право даже думать о смерти? Но что же делать? Что делать?!

Роман застонал и заскрежетал зубами. Пальцы сжимались в кулаки с невероятной силой, до хруста в суставах. А душа его стонала, кричала, выла, совсем как та нынешняя пурга в пике своей разнузданности! И так же как пурга природная, разродившаяся прекрасной Ангелиной, пурга в душе Романа тоже свершила роды. Она родила успокоение. Или, быть может, эмоции, перебродив и перезрев, утратили свои силы и угомонились на время? Как бы там ни было, но Роман почти успокоился, и лишь грусть, засевшая в его душе, как осколок гранаты в теле, уютно высветилась в его воспалённых глазах.

Роман взъерошил рукой волосы, в которых седина ещё абсолютно не освоилась, и, отчаянно махнув рукой, почти бодро произнёс:

– Пускай! Пускай всё идёт так, как идёт, а что будет дальше, о том никто не сможет сказать. У меня же есть сила воли, да ещё какая! Я вырву, я выжгу эту свою ненавистную любовь! – и Роман яростно, с придыхом стукнул кулаком по столу, но тут же спохватился: – Господи, я ведь разбужу Гелу!

И действительно, она проснулась и вышла из своей комнаты. На ней, поверх ночной рубашки, был накинут симпатичный халатик, разрисованный полевыми цветами. Чуть прищурив на свету глаза, Гела оглядела комнату: за столом, на котором валялись упавшие от удара кулака бутылка и стакан, сидел Роман, и выглядел он так печально, так скорбно, что она медленно подошла к нему, обняла его за шею, прижалась щекой к его голове и прошептала:

– Как часто папа мечтал, что, вот, возьмёт большой отпуск, и мы приедем к вам на целое лето. Последние годы он только и жил этой мечтой. Но работа, эта его дурацкая работа, она его не отпускала. Она же его и убила…

На глазах Романа набрякли слёзы, и Гела это почувствовала:

– Не нужно плакать, Роман Петрович, папа бы это не одобрил.

Но слёзы только сильнее закапали из глаз Романа, и было в них много горечи об ушедшем друге, но ещё больше горечи было о своей любви, которую теперь нужно было как-то убить!

IV

Тропинка ловко бежала над берегом речки, словно клубок пряжи разматывался перед сказочным героем, но ступала по этой тропке ножка, конечно же, сказочной красоты, но героини абсолютно реальной. Это была наша Ангелина.

Вот тропинка, словно змеиный язык, плавно раздвоилась: правая её сторона нырнула с высокого берега и помчала к реке, а левая устремилась на юг. Потом она легко вскарабкалась на небольшой холмик и, пробежав немного краем поля, изредка окунаясь в тень густых зарослей ольхи и черёмухи, резко отвернула вправо, прямо в эти зелёные кущи. Прошелестев сквозь кусты, тропинка с разбега влетела в небольшой ручеёк и словно растворилась в нём. Над самым ручьём, глубоко врывшись в его берег, будто вечный страж, навис огромный камень. С другой стороны этого камня разлеглась ровная, почти круглая полянка, метров двадцати в поперечнике. В её центре чернел ожог кострища, как видно, место это было часто посещаемо. Именно сюда и направлялась Ангелина. Камень этот показал ей Роман недели две назад, в самом начале мая, когда они, опьянясь чудной тёплой погодой, решили устроить пикник…

Дрова в костре прогорели, и вот-вот уже испечётся картошка, зарытая в тлеющие угли. Роман и Ангелина сидят рядом, молча глядя на умирающие огоньки. Глаза поэта грустны, но это для нас не новость, ведь мы-то отлично знаем, как несладко ему приходится в последнее время. Но Ангелина, её-то волшебные глазки почему в плену такой же грусти?! Или скорбь об ушедшем отце не отпускает её ни на минуту? А, может быть, у неё сегодня всего-лишь плохое настроение? Хорошо, хорошо, не буду вас терзать, только, чур, прошу не обвинять меня в том, что я выстраиваю сюжет лишь себе в угоду, и пытаюсь сочинить какую-то идиллию. Ещё раз осмелюсь напомнить: я ничего не сочиняю, я лишь описываю то, что вижу!

Ах, моя милая, любимая Ангелина, за что же тебе выпало всё это?! Мало было потери самого близкого человека, так нет, надо же ещё влюбиться! И в кого?! В старого, сумасшедшего, противного фантазёра! Хотя нет, это я перебрал. Роман, конечно, не очень молод, но о старости его говорить преждевременно, да и то, что он сумасшедший, я тоже слегка приврал. Ну, а о фантазёрстве – разве ж в этом есть что-то нехорошее? Но, как бы там ни было, и кем бы ни был Роман на самом деле, но Ангелина его полюбила! Она это почувствовала сразу, в первую же встречу, когда, осыпаемая снежной пылью, поймала этот взгляд, в котором были и удивление, и восхищение, и боль, и… любовь! Она так ясно видела эту любовь, что ощутила её всем своим существом, она пила её! И любовь, вливаясь в сердце и в душу Ангелины, наполняла их трепетом, радостью и… грустью.

Так вот они и сидели, грустя каждый об одном и том же, но не зная этого и не смея признаться друг другу в своих чувствах.

Роман вдруг остро ощутил неестественность ситуации и поспешил это исправить:

– А хочешь, Гела, я тебе расскажу об этом камне?

– Конечно, Роман Петрович, – оживилась она.

– А он тебе никого не напоминает?

– Мне кажется, он похож на слона. Нет-нет, на мамонта, на старого, уставшего мамонта!

– Поразительно! Ведь все и правда называют его Мамонт-камень!

– Честно-честно? – не поверила Ангелина.

– Честно-честно, – улыбнулся Роман и начал: – Жило-было стадо мамонтов: вожак, пять его любимых жён, несколько почти взрослых самцов и десять или девять детёнышей.

Жили они хорошо и дружно, а вожак, понимавший, что он всё больше стареет, частенько стал задумываться, как бы ему передать власть молодому преемнику, но без боя – этот вожак так не любил драки. Однажды утром земля затряслась, а север дыхнул холодом. Очень скоро до мамонтов стал доноситься треск и скрежет, а потом мимо них помчались звери, и все они причитали: льды идут, льды идут! Да, это надвигался ледник! Его натиск был решителен и быстр. Ели и сосны он ломал как травинки, а небольшие холмы без усилий сглаживал, и властно занимал всё пространство. Долго стадо уходило от ледника, но тот был быстрее и неумолимо нагонял животных. Мамонтята устали и еле-еле передвигали ноги. И вожак понял, что им не уйти. Но вожак этот был могуч и упрям, а ещё он больше всего на свете любил своих детей и, конечно же, жён. И тогда он отправил стадо дальше, а сам повернул назад и пошёл навстречу леднику. И вот он совсем близко – серые, угрюмые льды, скрежеща, словно недобро усмехаясь, в нескольких шагах. Вожак затрубил громко и решительно, бросая вызов леднику, расставил ноги пошире и упёрся упрямой головой в ледяную стену! И затрещали бивни, затрещал череп, но затрещал и ледник! И остановился злой ледник, и не прошёл дальше!

– Он его остановил! Ура! – закричала Ангелина, абсолютно поверившая в эту историю, придуманную Романом.

– Да, остановил, – кивнул он, словно и сам в это верил. – И вот с тех пор вожак и стоит тут. Он почти такой же, каким был тогда: лохматый, могучий, упрямый! Но – окаменевший. А этот вот ручеёк – всё, что осталось от злого ледника.

Ангелина долго смотрела в глаза Романа, потом покачала головой:

– Нет, вы это не придумали, это всё так и было!

А Роман, залпом выпивший взгляд девушки, с ужасающим восторгом понял, что все его героические старания по умерщвлению любви к Ангелине полопались так же легко, как пузыри на лужах в конце дождя!

V

На самой верхушке Мамонта-камня, на его загривке, обняв руками согнутые ноги и положив на колени голову, сидит Ангелина. Она неподвижна, словно спит. И нет для неё сейчас ни отцветающих черёмух, ни захлёбывающихся радостным пением жаворонков, ни сладкого, почти приторного аромата цветов. Её не радует высокое полуденное солнышко и чистейшее, словно отполированное ярко-сиреневое небо. Да и здесь ли, в этом ли мире она? Что произошло за две недели, прошедшие после пикника?

На следующий день после похода к Мамонту-камню Роману понадобилось срочно уехать на два дня по каким-то неотложным делам. Ангелина тотчас же решила воспользоваться этим, чтобы прибраться в его комнате, потому что в своём присутствии Роман этого делать не позволял, заявляя, что чем больше беспорядка на столе, тем больше порядка в голове. Но Ангелина с этим соглашаться не желала, и, как только за Романом закрылась дверь, она засучила рукава и энергично принялась за дело. На столе она решила ничего не трогать, но посмотреть на то, что там находится, всё же рискнула. И вполне естественно, что последнее произведение поэта было ею обнаружено. За два с половиной месяца, которые Ангелина прожила тут, она прочитала почти всё, что было написано Романом, но об этой вещи даже не слыхала. Мгновенно позабыв про уборку, она уселась на диванчик и погрузилась в чтение.

Время, как физическая величина, утратило своё значение. Ангелина не читала, она просто глотала страницу за страницей, и в её душе полыхал восторг. Она ещё чего-то не понимала, но знала, что вот-вот откроет то, главнее чего нет в жизни. И она это поняла: героиня романа – это она, Ангелина! Но не только это увидела она. Девушке открылось отношение автора к своей героине – он был в неё влюблён! И наивная, неискушённая Ангелина сделала вывод: поскольку автор любит героиню, а героиня – это она, то и её, Ангелину, он тоже любит! И от этого открытия её любовь, чистая, по-детски непосредственная, стала крепче, ярче, возвышеннее!

Вот видите, к чему приводят выводы, не подкреплённые житейским опытом и достаточной любовной практикой! Но вы-то, надеюсь, не делаете таких опрометчивых резюме и твёрдо знаете, что автор по отношению к своим героям только сочинитель. Я ведь вам об этом так всегда и говорил. Или, почти так!

Но в этом случае произошла ошибка во всех правилах, как литературных, так и житейских. Ангелина сделала вывод… правильный! И тут нет ничего необъяснимого – это всего-лишь обычное чудо, порождённое истинной любовью!

В наипрекраснейшем настроении заканчивала Ангелина уборку в комнате Романа. Всё в ней ликовало. Невесомая душа порхала вокруг образа любимого, как колибри вокруг медоносных пряных цветков, и пела страстные гимны.

Девушка ловко протёрла большое запылённое зеркало и улыбнулась своему отражению:

– Привет, двойняшка! Как тебе там, в зазеркалье, не скучно? Ах, как жаль, что ты не реальна, вот бы подружки из нас получились! Хотя, мы ведь и так подружки, верно? И я вижу, как ты радуешься вместе со мною!

Ангелина подмигнула отражению и повернулась, чтобы выйти из комнаты. Пальчики её уже взялись за дверную ручку, но глазки, окидывая комнату в поисках огрехов уборки, вдруг заметили маленький золотистый ключик, висевший на стене над письменным столом. Он был такой изящный, что не взять его в руки было просто невозможно.

Чувствуете, как я нагнетаю обстановку? Сейчас, сейчас что-то произойдёт! И ключик здесь неспроста, найдёт Ангелина, ох, найдёт какую-нибудь важную вещицу! Вы совершенно правильно полагаете, что, коли нашёлся ключик, то отыщется и дверца с замочком под него, и героиня его обязательно отомкнёт. Но, вполне вероятно, вы немного удивитесь тому, что такая положительная девушка решится сунуть свой очаровательный носик в чужую тайну! Да, да, я и сам очень удивлюсь, если она так сделает! Но не будем терзаться в догадках, а посмотрим, как же поступит Гела.

Ключик идеально подошёл к замочку ящика письменного стола, и Ангелина, ни секунды не колеблясь, отомкнула этот замочек. Но не было в её поступке ни малейшей доли наглости или, даже, порочного любопытства, нет! Разве Роман был ей чужим? Особенно теперь, когда она твёрдо знала, что он её любит так же страстно, как и она его! Да и найти девушка хотела не какие-то страшные тайны, а всего-то новые сочинения поэта, которые он стеснялся ей показать, а то, что он именно стесняется этого, Ангелина знала точно. И ещё она знала, что он стесняется своего возраста, вернее, разницы в годах между ними. Для неё же это было так мало значимо, что она об этом никогда бы и не задумалась, и только стеснение Романа направило её мысли на эту тему.

Итак, замочек был отомкнут, ящик стола выдвинут, а из него извлечена потрёпанная тетрадка в коричневой коленкоровой обложке. В эту тетрадь Роман записывал всякие интересные мысли, новые сюжеты, наброски характеров героев.

Ангелина, присев на краешек стула, неторопливо листала тетрадь. Она почти не вчитывалась в корявые, во многих местах жирно перечёркнутые строчки, она просто смотрела на них, и перед нею явственно представал Роман: вот он, на миг задумавшись, принимается порывисто писать, и рука его не поспевает за мыслью, а теперь он без сожаления резко зачёркивает то, что только что написал.

И вот самая последняя страничка. Она заполнена лишь наполовину.

«Господи, я никогда у тебя ничего не просил, да и никогда просить не стану. Но сегодня я умоляю тебя об одном: убей мою любовь, убей, а, если не любовь, то убей меня!

Я столько раз в своей долгой жизни влюблялся, но об истинной любви не ведал. И вот теперь, когда она мне открылась, я понимаю, что это для меня не счастье, это – моя гибель! Неужели так кому-то нужно, чтобы я полюбил ту, которую посмею обнять и поцеловать только как ребёнка, только как дочь?! И, если даже произойдёт чудо, и она полюбит меня, то и тогда между нами всегда будет бездна, бездна лет. Ведь я её старше на целую жизнь! И это перешагнуть я никогда не смогу, да и не посмею!..»

Солнышко давно переползло полуденную горку, а наша бедная героиня всё ещё сидит на камне. Она почти каждый день приходит сюда и думает, думает. Ангелина пока не призналась Роману ни в прочтении его произведения, ни в том, что невольно заглянула в заветную тетрадь. И она абсолютно не понимает, а что же ей теперь делать, теперь, когда Роман стал ещё ближе, ещё дороже, ещё любимей и желанней! Но, в то же время, он стал и дальше, вернее, недоступнее с его неистребимым стремлением уничтожить свою любовь!

Ангелина легко спрыгнула на землю и прижалась всем телом к каменному мамонту:

– Ах, как жалко, что я не такая сильная, как ты, я бы его сдавила в своих объятиях так, что он позабыл бы все свои морали, и утонул бы в моей любви!

Ангелина погладила рукою шершавый, поросший грязно-зелёным мхом бок валуна:

– До свидания, вожак, я приду ещё. Ты, как никто, прибавляешь мне силы, ведь ты смог остановить ледник! Я постараюсь, а вдруг и мне удастся совершить чудо, а вдруг и я смогу остановить и растопить ледник в душе любимого!

А что, кажется, у нас что-то получается. И сюжет постепенно разматывается, и герои приобретают всё более осязаемые черты. Или я слишком самоуверен, и мне это только мнится? Может быть, вы осыпаете меня самыми сочными, но отнюдь не лестными эпитетами и лишь ехидно посмеиваетесь надо всей моей писаниной?! Нет, не могу поверить в это, не могу этого даже представить!

VI

Июль в самом начале!

Полдень. Жара.

Роман медленно, ссутулясь, бредёт по знакомой нам тропинке. Но направляется он не к камню, так полюбившемуся Ангелине. У этой тропинки есть ещё ответвление, и ведёт оно к одиноко стоящему домику. Он умело замаскировался пышными зарослями акации, и лишь почерневший от времени шифер крыши указывает на наличие здесь жилища. Из давно небелёной, покрытой сеткой мелких трещинок трубы тоненьким столбиком поднимался дымок, внизу узкий, но расширяющийся вверху, и создавалось такое впечатление, что из этой трубы вот-вот появится дежурный джинн и устало произнесёт: «Да когда же вы оставите меня в покое?!»

Роман немного замешкался перед дверью, и тут же из-за неё донёсся сочный женский голос:

– Заходи, заходи, не стесняйся!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась стройная черноволосая особа. Да, это была настоящая красавица! Её чёрные глаза были так выразительны, прекрасны и манящи, что если бы я не был по самую последнюю чёрточку своей души влюблён в Ангелину, то уж в эту роскошную женщину влюбился бы безоговорочно!

– Входи, Роман, входи, я, признаюсь, уже давненько тебя поджидаю.

– Поджидаешь? – удивился поэт, но спохватился. – Ах да, конечно.

– Ну, молодец, хоть вспомнил, к кому пришёл! Боже мой, мне даже тебя жалко. Посмотри на себя, ты же стал похож на члена Политбюро, в тебе я вижу те же молодость и задор!

– Мне нравится твой юмор, Ванда, но, поверь, не теперь.

– Конечно, какой там нынче юмор, когда вот-вот концы отдашь! – Ванда прищурилась, и от этого её взгляд стал менее красивым и заблистал жестокостью. – Очень хочется стать святым? Не получится, поверь мне!

Роман ничего не ответил, но голова его дёрнулась, словно щеку обожгла смачная пощёчина. А Ванда вновь приветливо улыбнулась и указала рукой в глубь дома:

– И всё же заходи, если не передумал просить у меня совета.

Роман вошёл в жилище и присел на табурет перед огромным чёрным столом. Стол этот был таким древним, что вполне мог служить мебелью ещё Адаму и Еве, когда их выдворили из райских апартаментов за страстные занятия любовью.

– Вот, испей-ка, – поставила Ванда перед Романом большую керамическую кружку, – это мой квасок, энергетический!

Роман с подозрением покосился на посудину, но хозяйка, присев за стол рядом с ним, властно произнесла:

– Пей, не бойся, и тебе станет легче.

Невероятно, но несколько глотков прохладного и очень ароматного напитка вернули Роману способность мыслить и рассуждать логически.

– Я расскажу тебе, Ванда, всё с самого начала.

– Нет, Роман, это я тебе всё расскажу. Жил ты, не тужил, стихи пописывал, пером поскрипывал, книжонки почитывал, прожить лёгкую жизнь рассчитывал! Да не тут-то было! Свалилась снегом на голову девчоночка-красоточка, и закружилась головушка, и забухало сердечко, и пересох ротик, и заслезились глазки! И вот, подумал ты, пришла любовь-кручина безответная! Ан нет, а девчоночка-красоточка и сама тебя полюбила, да как! А ты взял, да и забил свою головушку всякою дребеденью о губительности возраста в любви! Всё это,

пиит мой, я знаю. Но я ещё знаю то, чего ты знать не желаешь. Девчоночка-то эта действительно тебя любит, и страсть её куда твоей жарче, а решимость – прочнее!

Ванда умолкла, а чувства, переполнявшие её, раскрасили смуглые щёки алыми полосками. Пышная, безукоризненно правильная грудь живописно вздымалась под расшитым сарафаном, и Роман невольно залюбовался ею:

– Красивая ты, Ванда!

– Неужели? – зло выгнула она бровь. – Что-то раньше ты этого не замечал!

Роман не ответил на упрёк, он схватил кружку обеими руками и жадно прильнул к ней.

– Люби её, Роман, люби и ничего не бойся!

Поэт, осушив посудину, отставил её к краю стола и спокойно, почти холодно отчеканил:

– Вот видишь, Ванда, не всё ты знаешь, хоть и колдунья. Не за советом я пришёл к тебе. Мне нужно ТО средство!

– Ну почему ты такой упрямый?! Кому ты хочешь сделать лучше? Ты губишь себя, и её ты хочешь погубить?!

– Нет, я всё решил, и доказывать мне что-либо глупо. А она… Она просто ребёнок, это у неё всё возрастное, оно быстро пройдёт. А у меня не пройдёт никогда. Жить же с этим я не смогу.

– А ты хоть представляешь, что ты хочешь с собою сделать?

– Да, я представляю. Память моя умрёт, и я начну всё с чистого листа.

– Как просто ты рассуждаешь! – Красотка всплеснула руками и звонко хлопнула ладонями по своим округлым коленям. – Умрёт не только твоя память, но и рассудок! И кем ты станешь, обычным человеком или безвольной плесенью, даже я сказать не смогу!

– Пусть! – упрямо скрипнул зубами Роман. – Что будет – то будет! Так или иначе, а рассудок свой я всё равно потеряю!

– Нет, – печально покачала головой Ванда, – или ты её не любишь, или ты упрям, как сто миллионов ослов!

Но Роману надоел этот разговор:

– Так ты мне дашь то, что я прошу, или нет?

– То, что ты просишь, я тебе не дам! Но у меня есть средство другое. Я думаю, это как раз то, что тебе просто необходимо!

Ванда скрылась за низенькой дверцей, но очень скоро появилась:

– Вот! – и она поставила на стол маленький пузырёк.

Роман взял его в руки, открыл и высыпал на ладошку несколько белых горошин:

– Что это?

– Когда ты проглотишь эту конфетку, то исчезнешь из нашего времени. Я не знаю, куда ты попадёшь, но, глотая по одной горошинке, ты всегда будешь перемещаться в какую-либо эпоху. Кем ты там станешь, как сложится твоя жизнь, я тоже не знаю. Но держи этот пузырёк всегда под рукой, ибо, если ты его потеряешь, то останешься там навсегда! А последняя конфетка вернёт тебя сюда, если ты, конечно, этого захочешь.

Роман крепко сжал пузырёк в руке:

– Спасибо тебе, Ванда!

– За это не благодарят. Но я верю, пиит, ты поймёшь, что я была права! Я только верю в это, потому что, хоть я и колдунья, но такие вещи даже мне знать не дано!

О, какие гневные возгласы в свой адрес я слышу! Вот, мол, колдунью какую-то приплёл! Слабо самому придумать что-то оригинальное! Нет, вы просто не понимаете всей сути. Мне вам хочется показать не только любовь во всём её величии и божественности, но ещё и провести вас по разным эпохам, чтобы вы узнали, как жили ваши далёкие предки. А как,

интересно, я отправлю героя туда, не прибегая к колдовству? Ну, и ещё, неужели же вам совсем не симпатична эта роскошная женщина?!

VII

В начале июля ночи белые, мягкие, тёплые. Как чудесно в такую ночь бродить вдвоём с человеком, который тебе ближе и дороже всех! Но как же тоскливо и тяжко, если этот человек не с тобою, не рядом, и вовсе не потому, что он где-то далеко или занят неотложными делами! Нет, он совсем близко, но сам, по своему непонятному хотению, не желает этой близости!

Ангелина долго и бесцельно бродит одна. Её не радует ни нежная прозрачная ночь, ни бестолковое радостное птичье пение, ни рождение нового дня. Что ей тёплая ночь, если любимый холоден, что ей птичье пение, если любимый молчалив, что ей светлый день, если любимый мрачен!

За неделю до этого Ангелина, устав от неопределённости, понимая, что ожидать от Романа каких-либо действий глупо, решилась сама всё расставить на свои места. Она, наивная, полагала, что, открывшись поэту в своих чувствах первой, снимет с него обузу условностей, которую он взвалил на себя, и он, увидев всю глубину и жар её любви, страстно раскроет свои объятия! Это решение ей казалось таким простым и очевидным, что она только недоумевала, почему же не пришла к нему раньше!

Бедная Ангелина, бедная девочка, как же мне жалко её! Чего только она не услышала от Романа! Она узнала так много интересной информации и о своём детском возрасте, так склонном к мимолётным влюблённостям, и о годах поэта, близящихся к финишу, и о приличиях, имеющих хождения в человеческом обществе! Она с ужасом, проникающим в каждую клеточку её сильного, жаждущего ласки и тепла тела, осознала, что не быть им вместе, не позволит поэт этого себе! Только что-то невероятное, что-то сумасшедшее сможет изменить устои Романа!

Дни и ночи сплелись для Ангелины в непонятный сюрреалистический клубок. Она бродила у речки, просиживала часами на хребте каменного мамонта, ожидая чуда и веря, что оно произойдёт. Но капли дней падали в океан вечности, и ничего не менялось. А Роман стал угрюмым, рассеянным, запирался в своей комнате, и что он там делал, Ангелина не ведала, лишь изредка до неё доносились не то хрипы, не то стенания. Она знала, что он любит её ещё страстнее, чем прежде, но признаться в этом не посмеет, даже если будет лежать на смертном одре! Ангелина за эти дни изменилась, она повзрослела, словно каждый прожитый день был для неё годом.

Солнце больно ткнуло своим слепящим перстом в глаза Ангелине, и она вдруг чётко поняла, что ей нужно делать.

Осторожно прикрыв за собою входную дверь, девушка вошла в свою комнату. Она быстро, рывками, скинула с себя всю одежду и посмотрела в зеркало:

– Я хороша! Я просто божественна! Если и это его не убедит, то я жить больше не буду!

Да, она была божественна! Я не смогу, хоть пожелай этого больше жизни, описать красоту её небольшой, но изящной груди, соблазнительную округлость бёдер, благоухающую чашу живота и нежный тёмно-русый шёлк, обрамляющий низ его!

– Я пойду к нему, я околдую его рассудок своими ласками, и он не устоит, он упадёт в мои объятия!

Ангелина решительно распахнула дверь и шагнула в комнату Романа.

Комната была пуста. На столе, как одинокое облачко в небе, белел листок бумаги, исписанный неровными строками. Ангелина взяла его задрожавшей рукою и, с чётким осознанием непоправимой беды, вгляделась в эти строки:

«Ангелина, ты уже не ребёнок, завтра тебе исполняется семнадцать, поэтому всё должна понять. Я не могу, хоть и желаю этого больше жизни, оставаться с тобою рядом! Я уезжаю, может быть, на год, может быть, больше, я ничего не знаю! Но, что бы ни было, и где бы я ни был, я буду жив только тобою!

Дом я оформил на тебя, все деньги тоже.

Прости глупого и старого поэта! Будь счастлива!

P.S. Искать меня не нужно, это бесполезно, но, поверь, жизни я себя не лишил».

Листок затрепетал в руке, а из глаз Ангелины покатились жемчужные горошинки и забарабанили по последнему сочинению поэта.

– Впервые в жизни меня так поздравили с днём рождения! – печально улыбнулась она, и внезапно до неё дошёл весь трагический смысл послания. – Всё, это конец, его больше нет! Я его никогда не увижу!

И скорбь, горе траурными тенями легли на лицо девушки. И оно, и так прекрасное, стало ещё красивее, ещё прелестнее!

Силы покинули Ангелину, и она рухнула на диван.

Она уснула, или просто душа её умчала вслед любимому, хотя следов-то он и не оставил!

VIII

Дверь осторожно приоткрылась, и в комнату вошла Ванда.

Долго она смотрела на лежащую неподвижно обнажённую Ангелину, то ли изучая её безукоризненное тело, то ли любуясь им.

– Да, хороша! Будь я мужчиной, я бы не устояла перед нею, нет, архангел крест в меня вгони!

Ванда заметила исписанный листок и, взяв его, быстро пробежала глазами:

– Что ж, не поэтично, но делово. Так и нужно, нечего чувства размусоливать. Эх, Роман, – вздохнула она шумно, – дурак ты! От такой красоты уйти! Да миллионы мужиков отдали бы жизни за одну ночку с нею! Где там Клеопатре, она была страшилищем по сравнению с этой девчонкой!

Ванда опять долгим взглядом посмотрела на Ангелину, и восхищение в её глазах вдруг сменила злость:

– Да за что ж всё ей?! Чем я хуже? Почему он на меня всегда смотрел только как на подругу, только как на колдунью?! Чем моё тело хуже этого? – и Ванда, неожиданно даже для самой себя, принялась судорожно срывать с себя одежду, а потом бросила взор в зеркало: – Ну, это ли не идеал?

В зеркальной глади отразились красивые, почти безукоризненные формы. Всё в них было идеально, но не хватало той нежности, которую просто источало тело юной Ангелины, и Ванда это поняла:

– Да, возможно, это одно из прекрасных творений Создателя, но это, – и она повернула голову в сторону спящей девушки, – это самое прекрасное!

Колдунья неторопливо оделась, а потом открыла резную дверцу тумбочки и достала оттуда бутылку коньяка, видать, здесь женщина находилась не впервые. Коричневатая влага тоненькой струйкой перетекала из бутылки в фужер, но Ванда за этим не следила, взгляд её, чуть затуманенный, был обращён куда-то далеко, быть может, она сейчас видела Романа там, куда его отправило её снадобье? Коньяк, переполнивший фужер, блестящей лужицей растекался по столу, и колдунья поняла это только тогда, когда капельки, соскользнув с поверхности стола, разбились о её босые ноги.

– Что же это я! – спохватилась Ванда и поставила бутылку на стол. – Не к лицу мне испытывать эмоции. Я рождена для того, чтобы их создавать, а, создав, полновластно ими пользоваться!

Она жадно влила в себя коньяк, выдохнула спиртные пары и, усмехнувшись, потёрла руки:

– Ох, что я придумала! Не знаю, понравится ли это Роману, но Ангелине это наверняка придётся по душе. Почему-то она мне нравится всё больше и больше! А ну-ка, девочка, просыпайся, потом досмотришь своих снов вычурный ажур!

Ангелина проснулась мгновенно, хотя, скорее всего, это был не сон, это была смерть, краткая смерть, словно репетиция той смерти, неотвратимой, нетерпеливо ожидающей всех нас. Девушка ничуть не удивилась, что рядом с нею находится незнакомая женщина. Во взгляде этой женщины были лёгкая печаль и какое-то озорство, словно она только что решилась на что-то очень важное.

– Скажи-ка, милая девушка, хочется ли тебе жить? – задала вдруг Ванда вопрос, сваливший бы с ног любого, любого, кроме нашей героини.

– Если без него, то – нет! – не задумываясь ни на миг, ответила она. – Да я и не живу теперь.

– Нет, ты жить будешь!

Ангелина поднялась с ложа и тут же опустилась на колени перед Вандой:

– Вы знаете что-то о нём, – не спросила, а утвердительно прошептала она и сжала руки на груди. – Где он? Что с ним? Он жив?!

– Надеюсь, да. А вот где он?.. Этого я сказать не могу, хоть и сама его отсылала.

– Вы тоже, как и он, считаете, что я ребёнок, и все мои чувства мимолётны и смешны?

– Нет, девушка, мне так не кажется, и в вашем споре я на твоей стороне.

И Ванда, подняв Ангелину с колен, усадила её на диван и рассказала ей всё, кроме, конечно же, своего отношения к Роману.

– Я верю, что, проблуждав в глуби веков, он всё поймёт и вернётся к тебе, и ты будешь счастлива! – закончила колдунья своё повествование.

– Но я же не смогу сидеть и бесцельно ждать, я потеряю разум, я умру без него! – вскричала Ангелина и опять рухнула на колени: – Я умоляю, дайте мне то же средство, что вы дали ему!

Ванда жеманно пожала плечами:

– Да пожалуйста, какие вопросы, только поднимись с колен, они у тебя так красивы! Я вообще-то хотела тебе сразу это предложить, но подумала, что ожидание здесь для тебя будет гораздо привлекательнее, чем скитания там.

– Куда угодно, хоть в пламень ада, лишь бы к нему!

– Да, но тут есть один нюансик, – Ванда бросила взгляд на коньячную бутылку, но, увидев, что она пуста, слегка поморщилась.

– Я понимаю, – взволнованно воскликнула Ангелина, – я должна что-то вам отдать! Душу свою? Молодость?

– Бог с тобою, девочка, – отмахнулась Ванда, – это ты перепутала, я не дьявол, я всего-лишь колдунья, причём, не очень ещё старая!

– Тогда что?

– Да откуда ты взяла, что ты должна что-то отдать?!

– Но вы же сами сказали…

– Я сказала, что есть один нюансик. Заключается же он в том, что, попав во времена иные, и ты, и он измените свою внешность. Попадёшь ты в Египет, значит, станешь египтянкой, отправишься в Индию – будешь там индианкой. Так же и он.

– Я его не смогу узнать?!

– Ты его узнаешь, если любовь твоя действительно так безгранична. Ты его узнаешь по взгляду, ты его узнаешь по дыханью, ты его узнаешь по сердечному биению. Ты его почувствуешь! Но он-то тебя может и не узнать, ведь он уверен, что ты осталась здесь, а он там один.

– Я согласна, согласна! – Ангелина обвила шею Ванды горячими и крепкими руками и жарко её поцеловала.

Этого колдунья, вероятно, не ожидала, но поцелуй был так нежен, так искренен, что сердце её, спокойное, расчётливое сердце, забилось в груди, как глупая пташка в лапах куницы.

– И ещё одно: и ты, и он можете там погибнуть. Я туда попасть не могу, и помочь вам буду не в силах. Но ты должна быть смела и упряма, только в этом случае удача тебя не оставит!

– Во мне нет страха, есть только жажда найти любимого, обнять его и губы до крови исцеловать!

Ванда внимательно и долго, словно запоминая, смотрела в глаза Ангелине:

– Да будет так!..

Ангелина стояла одна в комнате Романа. Она не знала, приснилась ли ей колдунья или она была здесь реально. Девушка словно вынырнула на поверхность из глубин тёмной вязкой жидкости. Всё казалось ей таким нереальным, химерным. Но что это в её руке? Она разжала пальцы, и на ладони тускло блеснул коричневатым стеклом небольшой пузырёк.

– Правда, всё правда! – радостно прошептала девушка и выкатила на ладошку одну горошинку. – Ну что ж, пора. Любимый, пожалуйста, почувствуй, что я иду к тебе!

Горошинка быстро растаяла во рту. Свет померк, тело потеряло вес, в ушах что-то нежно зашелестело, и Ангелина плавно полетела в никуда…

Что-то я не слышу ехидных смешков. Неужели вас захватило то, что я написал? Тогда я просто счастлив! Если вы последуете вместе со мною и дальше, то увидите ещё очень много невероятного, прекрасного, но… реального, ведь я ничего-ничего не придумываю, я только иду рядом со своими героями и радуюсь их удачам, и плачу от их несчастий!

Глава вторая. ЖЕРТВА

Шумер. Лагаш. 2370 год до н.э.

Кому не знакомы Тигр и Евфрат, две великие реки, неспешно катящие свои воды в Юго-Западной Азии?! О них не слышал разве что полный остолоп, прогуливавший уроки географии в туалете, где засорял свои молодые лёгкие дешёвым никотином, торопясь превратиться во взрослого, но не всегда здорового мужчину. Но мы-то с вами точно знаем, что Междуречье – это одно из самых прекрасных мест на свете, и именно там Господь Бог разбил райский садик под названием Эдем. Потом он поселил там Адама с Евой, и они долго наслаждались сначала ароматами диковинных растений, а после и друг другом, чего, как оказалось, делать было категорически нельзя. Отец укоризненно покачал мудрой головою и безо всякой жалости изгнал своих детушек в места пустынные и бесплодные, хотя мне не очень понятна его логика – он же точно знал, чем закончится эксперимент по созданию гомо сапиенс! Но верная супружеская пара не раскисла и не пошла в разнос, а, породив пару детушек, занялась освоением целинных земель. И расплодились от них не просто люди, а целые народы, которые их Всевышний Отец, хоть и любил, но всё же периодически наказывал то смешением языков, а то и вовсе Всемирным Потопом. Но люди оказались стойки и живучи, они преодолели все беды и успешно освоили Междуречье.

Дикие племена развивались и умнели, порабощая более слабых и ассимилируя с более сильными, но все они владели этими плодородными землями только временно. Вечно так продолжаться не могло, и количество должно было перейти в качество. Так и случилось. Очередной народ, заселивший бывшее райское садоводство, оказался настолько умён, что создал целое государство и стал успешно его развивать, покоряя попутно соседние племена. И назвал он себя шумерами, а страну свою – Шумер!

Чего только не напридумывали шумеры за долгие века своего царствования! И колесо-то они сбацали, и астрологию основали, и письменность изобрели! И строили они свои изящные сооружения не абы как, а чётко выверив наклоны и горизонты. И в литературе шумеры оставили свой чёткий отпечаток, и в математике, и в медицине, и в астрономии, в общем, куда ни сунься – везде мерещатся их носатые круглощекие физиономии!

Лишь одним этот великий народ не отличался от других – своим отношением к человекам. С лёгкостью и наслаждением шумеры разбивали вдрызг черепа и вспарывали животы врагам, недругам и другим сомнительным личностям, а уж перерезать глотку ближнему своему считалось святым делом! Да нам, вообще-то, это хорошо знакомо, ведь мы истинные потомки и шумеров, и египтян, и иных народов, почитавших жестокость и вероломство за удаль. Мы в совершенстве освоили эти принципы, лишь напридумав вороха идеологий и философий, оправдывающих варварство и дикость, и нынче никто никого не убивает просто так, всё делается во имя каких-либо благих целей, короче, всё происходит ради человека! Вот как далеко шагнули мы за пять тысячелетий!

I

Неспешно, твёрдо, величаво поднимался старый жрец по ступеням зиккурата. Нет, стар он лишь годами, а телом, умом – сыщи его моложе! Пятьсот ступеней и юнец не всякий пройдёт, не сбив ритмов вдоха, не загнав сердце в горло, не вбив звонкие наковальни в виски! А этот старик, мышцы которого прочны и сильны, как натянутые корабельные канаты, даже не участил своего дыхания, и сердце его, холодное ко всему, кроме власти, не трепыхнуло чаще, не влило лишнюю порцию крови в сети вен.

Жрец остановился на верхней площадке зиккурата, где помещался золотой жертвенный стол. Тёплый ветерок, не задерживаясь, скользил по чисто выбритому черепу, по гладким, не старческим ещё щекам, по тонким губам, увитым едва заметной улыбкой. Улыбка эта хитра и желчна, холодна и жестока, так, вероятно, посмотрит на нас старушка, когда придёт с приглашением в долгие гостины, скромно пряча за белым саваном свой инструмент.

Мощный старик опустился на колени и простёр руки к востоку:

– Да славен будь, великий Шамаш! Я, жрец храма бога Нингирсу, что хранит наш город Лагаш, шлю тебе свои молитвы! Но и жертвы будут многочисленны и щедры, богаты и кровавы! Лишь тебе я служу, лишь твою волю исполняю! Я тебя не просил ни о чём, но теперь твоя помощь необходима! Для тебя это пустяк, мелочь, мне же – жизнь! Помоги, помоги Урукагине, направь его меч на врагов, сокруши их! Пусть станет он правителем Лагаша. Да, он груб и невежествен, но, поверь, не он будет править, а я, я, но твоею волей! А рядом с этим зиккуратом – он лишь жилище Нингирсу – я выстрою храм в твою честь, храм самый богатый и самый прекрасный! И денно и нощно молитвы будут лететь к тебе, рабы и рабыни будут изливать свою кровь на жертвенные столы! Все богатства станут твои, все жизни будут для тебя! Я верю, ты поможешь, ведь мы, жрецы, – частицы твои, воля твоя, лишь нам дано истинно повелевать и распоряжаться! И пусть наша власть не явна, не показна, но она самая крепкая, самая полная!

Поднимавшееся над горизонтом солнце выпустило первые лучи, и они зажгли в серых глазах жреца огонь, но огонь холодный, как взрыв далёкой звезды.

– Привет тебе, о, жрец лукавый, служитель алчущих богов!

– Урукагина, рад тебя лицезреть, – проговорил старый жрец, но в его голосе не было ни тепла, ни приветливости.

– Да знаю, как ты рад, знаю, – отмахнулся вошедший и оглядел жилище жреца, словно видел его впервые. – Ну как так можно жить, Бирос? В лачуге раба и то богаче!

Жрец внимательно оглядел мощное, но располневшее тело собеседника:

– Тебе ли, погрязшему в роскоши, объедающемуся до рвоты, учить меня?! Тебе ли, способному лишь насиловать рабынь и убивать чужими руками, осуждать меня?! Взгляни на себя – ты же толст и неловок, ты же, пройдя сто ступеней, не поймаешь своё выпрыгивающее сердце! А ну, дай руку!

Урукагина, недобро ухмыляясь, протянул громадную ладонь и сжал ладонь Бироса, небольшую, сухую. Но очень скоро ухмылка сбежала с его широкого мясистого лица, а на смену ей явилась сначала жалкая улыбка, а потом лицо его исказила гримаса боли:

– Всё, пусти, жрец, пусти! Да пусти же!!

Урукагина потряс освобождённой рукой и восхищённо помотал головой:

– Силён! Ишь, даванул, прямо до слёз! Тебе не жрецом быть нужно, а воином!

– Всяк на своём месте ладен, патеси, – произнёс Бирос, – и повторил со значением: – На своём!

Урукагина намёк понял сразу. Он опустился на скромное ложе жреца и положил тяжёлые кулаки на низенький столик:

– Да, на своём! Но моё место пока занято!

– Скоро, очень скоро, патеси, ты займёшь место, какое по праву станет твоим. Лугальанду не долго осталось править, этого хочет великий Шамаш! Этого хочу я.

– Этого хочу я! Я, я этого хочу! – взревел Урукагина и напыщенно добавил: – Этого хочет народ!

Бироса даже передёрнуло от этих слов:

– Да ты никак себя богом посчитал?

– Правитель всегда наместник богов!

– А как же Лугальанду?

– Он – ошибка!

– Боги не ошибаются! – жёстко блеснул глазами Бирос.

– Да, не ошибаются, – так же жёстко ответил Урукагина, – но и ты, жрец, смотри, не ошибись!

II

Вы уже давно, небось, упрекаете меня, дескать, что ты всё крутишь вокруг да около, давай, предъявляй нам героев! А вы думаете, мне самому не интересно взглянуть на них?! Да меня просто колотит, словно алкаша в отходняке, от этого желания! Но, увы, пока я их не нашёл в этом древнем государстве или, возможно, не узнал свои любимые персонажи, ведь вы не забыли, что красотка Ванда изменила их облики. Но это не беда, мы узнаем их обязательно, лишь бы они не порастеряли свои чувства, лишь бы они не остудили свою любовь!

Роман, с прилежанием первоклашки, что вычерчивает первые крючки, выдавливал гладко выструганной палочкой клинышки на глиняных пластинках. Как умело и изящно это у него получалось! Он досконально знал, где нужно надавить сильнее, а где едва коснуться ровной поверхности, в каком месте сделать значок идеально чётким, а где и допустить лёгкую небрежность. И, кажется, это доставляло ему удовольствие, словно ничего он в жизни больше и не желал. Неужели же это так и есть, и поэт всё забыл? Или чары Ванды так сильны, что легко укротили ураганы страсти, совсем недавно бушевавшие в его душе?!

Ах, Роман, Роман, да не ты ль стенал о любви своей так печально и нежно, что соловьи, заслушавшись тебя, забывали свои обязанности, и их подруги тщетно ждали зазывных рулад кавалеров?! Не ты ль, бродя по заснеженным полям, разрывал усталыми ногами их девственную сверкающую плевру, заплетая такие кружева, что и сам великий Дали позавидовал бы их сюрреальности?! Не ты ль посылал страстные речи бледному лунному лику, увидя в нём милые черты, и омывал подсоленной влагой свои запылённые башмаки?! Не ты ль.… Но довольно гадать, давайте просто спросим его. Впрочем, слова могут и солгать или вовсе увести в сторону, обмануть или запутать, или укутать правду в чадру показного целомудрия. Мы не будем спрашивать Романа ни о чём, мы заглянем в его глаза, и глаза не солгут, они не сумеют это сделать, даже если правда спрячется на самом донышке их!

Как же колотится моё сердце! А вдруг в глазах поэта я не увижу Ангелину! К чёрту страхи и сомнения, я утопаю в глазах и… ура! ура! Там – ОНА!!

Давно уже устал Роман и от фантастической новизны древней жизни, и от увлекательной шумерской письменности. А поначалу он так этим увлёкся, что на какой-то миг и правда поверил, что сможет забыть о своей жестокой любви или, хотя бы, притупить острые её коготочки, которыми она впилась в его немеющее от боли сердце. Где там! Здесь, вдали от любимой, поэт только острее осознал бессмысленность своей затеи, а его чувство с каждым днём становилось крепче и нежнее, но также становилось оно и более горьким, ведь теперь нет рядом ЕЁ.

Роман твёрдо разделил свою жизнь на две половины. В первой половине, там, в другом мире, остались мечты и наивность, свет и музыка. А здесь, в половине второй, были лишь мрак и безмолвие, реальность и опустошение. И только одно связывало эти две половины – любовь!

Да если было бы иначе, если бы Роман смог заглушить в себе свою любовь, разве стал бы я писать о нём? Да я умертвил бы его беспощадно самой лютой смертью!

Глаза Романа заслезились, и ровный ряд клинышков расплылся и разбежался в стороны. Спина поэта распрямилась, на лбу набрякла тесьма жил, а пальцы нервно сжались, и орудие письма с сухим треском разломилось надвое. Он отбросил обломки и опустил усталые руки, и они безвольно повисли, словно рукава изношенной до ненужности рубашки.

– Ну что, глупец, вот и примчал ты в те миры, о которых так грезил, которые воспевал, бренча по струнам звонкой лиры. Так что ж тебе так же радостно, как узнику перед казнью?! Давай, пей со смаком сласть безумных желаний!

– Да хрен тебе с маком, а не сласть со смаком! – хоть и в рифму, но зло и резко сам же себе ответил поэт. – Реальность-то оказалась иною! Ведь ты думал, попади сюда, и сразу же станешь богом. И все тёмные шумеришки заахают от восторга общения с тобой, а потом преподнесут на блюде свои послушание и раболепие, а тебе останется лишь мудро кивать головой, да благословлять их на добрые дела! А эти гадкие людишки, как узнали, что ты ловок писать, усадили тебя за стол да заставили не просто работать, а пахать, стирая в кровь пальцы. А за малейшее ослушание или леность плётка дежурного жреца быстро обнимет твои бронзовые плечи, расписав их не клиньями, но багровыми полосами!

– Да прав ты, прав, двойник мой тайный! Я за эту неделю устал так, будто две вечности подряд таскал Сизифа вместе с его камнем! И руки немеют, и глаза слезятся, а на спине словно горб пророс!

– А зачем ты мучаешься? Возьми горошинку, проглоти, и муки кончатся.

– Чтобы начаться в другом месте? Кто скажет, что ждёт в эпохе другой?!

– Зачем, зачем тебе все эти эпохи?! – взорвался двойник. – Да пробеги их молниеносно, ведь для тебя в них нет места! Твоё место там – у ног твоей, ТВОЕЙ ВЕНЕРЫ! Да ты хоть сотри себя в прах меж жерновов, хоть изруби себя на части, но без неё ты нигде жить не сможешь! Ведь ты же поэт, сам знаешь, что этот сюжет отнюдь не нов!

– Давай, бей меня, хлещи, я это заслужил! Не было ни дня, ни минуты, ни мига, чтобы я не думал о ней, не говорил с нею, словно пытаясь доказать ей же, что её нет! Ах, душа моя, дрянная и робкая, сможет ли она хоть когда-нибудь разрешить ЕЙ войти в неё полноправной хозяйкой?!

Но тайный визави Романа не успел дать ответ. Плечи со свистом ожгла плеть жреца, но яркая полоса от удара отпечаталась не на коже, она заалела на плевре души. Роман резко вскочил и оказался лицом к лицу со своим экзекутором. Тот был спокоен и равнодушен, выполняя свою обычную работу, и физиономия его была начисто лишена каких-либо эмоций или гримас. И тогда поэт, сжав кулак и вложив в него всю свою силу, всю свою злость, врезал по этой лишённой гримас роже!

III

Идеально отполированная поверхность золотой пластинки отражала прекрасный девичий лик. Округлое, цвета добросовестного загара лицо не изведало ещё косметических специй, да они были бы бессильны перед макияжем природы. А она постаралась от души! Над бездонными чёрными глазами, опушёнными веерами изящно изогнутых ресниц, нависли смоляные полумесяцы бровей, почти сросшихся у переносицы. Алые, полные губки – зависть нынешних красоток – влажно блестели, и розовый язычок то и дело ласкал их, словно искушённый их наготою.

Но вот девушка отложила зеркало и взяла в руки медный гребень. Расчёсанные густые волосы чёрными водопадами заструились по полным плечам и перетекли на грудь, тоже не малую. Да, девушка была полновата, она не подошла бы ни под один современный стандарт, но в те века эталоны красоты были таковы.

Но, я думаю, вы уже догадались, что эта пышная красавица не кто иная, как наша милая Ангелина. Но что-то в ней изменилось. Нет-нет, не внешность, с этим всё ясно, так и должно было быть, но взгляд её… Нет в нём былой шалости, нет и упрямства, но появилась усталость, и даже тени безнадёжности можно там заметить, когда она, вздыхая, вздымает свою шикарную грудь. Что же случилось с нею? Не разлюбила ли она своего несчастного поэта? Не жалеет ли, что, бросив всё, помчалась за ним сюда, за тридевять веков? Не льёт ли слёзы, кляня себя за это дерзкое решенье?

Здесь, конечно, мы могли бы отпустить в полёт свою фантазию и напридумывать массу интересных гипотез о невесёлом состоянии Ангелины. Но опять повторю, что я отнюдь не фантаст и даже не сочинитель, я лишь стараюсь записывать то, что вижу и то, что слышу. Подождём, а вдруг девушка сама нам всё разъяснит?!

Ангелина вновь взяла в руки золотую пластинку и равнодушно взглянула в неё:

– Ты осуждаешь меня, двойняшка? И поделом! Ах, как просто было решиться, каким лёгким всё представлялось! Я просто дура, самонадеянная и легкомысленная! Прав любимый, я – ребёнок! Конечно, телом я взросла – вон грудь какую отрастила! – но по уму и опыту – я дитя!

Близнецы-слезинки родились в уголках глаз и закачались на кончиках ресниц, словно раздумывая, скатиться ли им на щёчки или, повисев немного, испариться восвояси. Но раздумывать долго им не пришлось. Новые и многочисленные близнецы высыпали из глазок целой оравой и дружной гурьбою помчали по атласной коже, увлекая за собой и первую пару.

– Нет, плакать я не стану! Да если бы Роман меня сейчас увидел, он бы меня стал презирать! И правильно!

Ангелина решительно стёрла с личика солоноватые следы своей слабости и в её глазах появилась былое упрямство:

– Похныкала, девочка, и хватит! Давай-ка, вспоминай, что там судачила Ванда о средствах распознания в этом мире! А то я тут таращусь на всех мужиков, и они чёрт знает, что обо мне думают! Особенно тот патеси, приятель Бирона. Да и сам жрец глядит на меня так, словно замыслил какую-то пакость. Но ладно, об этом после, а сейчас мне нужно вспомнить всё-всё, что говорила колдунья. Она твердила мне, что я узнаю его по взгляду, по жестам, по делам, по биению сердца, по ритму дыхания. Правильно, всё так, но для этого мне придётся опять пялиться на мужиков. Вот незадача!

Но это девушка произнесла уже задорно, словно подстёгивая себя к решительным действиям, хотя в этом нужды теперь не было.

Ангелина решительно направилась к выходу из кельи, в которой она тут обитала, но вдруг вспомнила самое главное:

– Господи, да что ж я! Куда помчалась? Кто меня выпустит?! Я ведь совсем забыла, что я здесь лишь прислужница в храме, я – рабыня! И всё моё дело – это готовить пищу богу Нингирсу и относить её в храм. Да и на эту-то должность я попала лишь потому, что ещё невинна! – При этом слове Ангелина поморщилась, вспоминая, как её осматривала старуха-жрица, шаря своими жёсткими шершавыми пальцами по всем уголкам девичьего тела. – Если бы не моя непорочность, ещё неизвестно, не оказалась бы я в каком-нибудь борделе! Впрочем, и это не гарантия. Приятель Бирона наверняка задумал меня выкрасть из храма, и, если бы у меня не было заветных горошинок, участи моей никто б не позавидовал!

Ангелина торопливо нащупала пузырёк, спрятанный на груди, словно испугалась, что его там нет, и облегчённо вздохнула:

– Он здесь! Да, но вдруг, я не успею проглотить волшебный шарик, что тогда?! – и в глазах девушки вспыхнул испуг, но почти мгновенно он превратился в решимость. – Тогда – смерть! Я без чести жить не буду! Честь отдам лишь любимому!.. Любимый! Ну неужели ты не слышишь своим сердцем сердца моего? Неужели в глазах твоих не живут мои черты? Замри на миг и слушай, слушай: шуршание ветра, звон ручейка, беседа меж морем и сушей, стук капель – это плачу я, это взываю к тебе я! Пусть твоё сердце защемит болью, пусть свет померкнет в твоих глазах, пусть слёзы обожгут их – это моя любовь! Будь милосерден, сделай милость, дай знать мне о себе, хотя бы намекни, а я пойму, я увижу, я почувствую! Мне кажется, что я слышу порою в себе твой печальный вздох, я знаю, что ты где-то рядом, может быть даже за этой преградой? – и Ангелина положила ладонь на прохладную поверхность каменной стены. – Да нет, я знаю, там лишь тупые писцы день и ночь корпят над своими пластинками! А вдруг ты – сам Бирос? Или Урукагина? Нет-нет, только не он! Только не этот жирный боров, источающий чесночный перегар!

Девушка брезгливо передёрнулась, отчётливо представив ненавистного патеси, и опять заглянула в зеркало:

– Двойняшка, милая подружка, а ты не знаешь, где мой любимый и кто он?!

Но отражение загадочно молчало.

IV

Бирос и Урукагина вновь в келье жреца. Лица их чем-то одухотворены, и это что-то, скорее всего, предвестие осуществления их дерзкого плана. Тут можно было бы подробнее описать их мерзкие гримасы и хитрые змеиные улыбки, показав этим сущность их вероломных и коварных натур, но я точно не знаю, а таковы ли они были. А вдруг здесь всё иначе, и нынешний правитель Лагоса не только не заслуживает сочувствия, а наоборот, давно заработал рандеву своей шее с бронзовым топором?! Да и этика в те полумифические времена была несколько своеобразна. Она вполне допускала и заговоры, и перевороты, и резьбу по шеям своих друзей и, тем паче, недругов.

Урукагина осторожно примостил своё громадное тело на низенькое хлипкое сиденье и, взяв со стола глиняную кружку, пригубил из неё:

– Что за гадость ты пьёшь, жрец?! Дай пива!

– Ты забыл, где находишься? Я пью только воду. Да и ты бы забыл о пиве, особенно сегодня!

– Всё будет хорошо, жрец! За меня не переживай. Ничто не может меня опьянить больше, чем то, что вот-вот случится! Мои солдаты готовы, лишь ждут сигнала.

– Шамаш принял наши жертвы. Сегодня в ночь поднимай все свои войска, и не жалей крови врагов! А завтра в полдень я принесу Шамашу главную жертву!

– Кто это будет? Раб? Рабыня? Если это девчонка, я б с нею поиграл теперь!

– Меня коробит твоя похоть! У тебя сейчас одна цель – престол Лагаша! Об остальном забудь!

– Да как же я могу забыть?! Я силён, не стар, и плоть моя требует плоти женской! И как требует! Стоит мне лишь увидеть красотку, и я теряю разум! А у тебя в храме они – одна слаще другой! Особенно эта, недавняя.

– А вот о ней забудь совсем!

– Да почему?! Отдай мне её, жрец, отдай! А я тебе взамен подарю десяток других, хоть пышных, хоть худых, хоть маленьких, хоть громадных, как я!

– Ты глуп, Урукагина, как всегда! Даже сотня красавиц, побывавших у тебя, не заменит эту девку, потому что у них нет того, что есть у неё!

– И что же такое у неё есть? Лишнее отверстие на теле?! – заржал Урукагина.

– Она невинна. Только девственница может поднести последнюю чашу жертве, иначе Шамаш её не примет!

– Ты прав, Бирос, об этом я забыл. Но это твои дела, и мне сейчас не до них.

– Если ты хочешь быть достойным правителем, то должен во всё вникать и всё знать!

– Да брось, жрец, мне нужно лишь одно: держать народ в кулаке, а солдатам давать побольше благ! И ещё нужна постоянная война! Лугальанду этого не понимает, потому и власть его шатка. Но сегодня ночью забава будет для всех, ведь нет таких, кто б ни любил пограбить и понасиловать! Я вычищу нынешнюю знать, смердящую гнильём безвластья! Ты знаешь, жрец, что мне чужды самохваление и пустословие, и я не стал бы без нужды брать власть, но мне жалко народ Шумера! Он хиреет, вырождается без свежей крови! Я волью в него кровь вольных племён, я поведу его на Умму и Урук! Я создам великое царство!

Бирос спокойно слушал выспренние речи Урукагины, не проявляя внешне никаких эмоций, но внутренне он желчно улыбался:

«Давай, давай, пой громче, толстый павлин! Ты, я вижу, и сам веришь в то, что говоришь! Но забыл ты, патеси, одно: я, а не ты назначен Шамашем для власти! Ты ж всегда служил Нингирсу и Бау, а их влияние угасло! Но ничего, покрасуйся, порезвись. Мне нужно от тебя одно лишь – возьми власть, а уж как её у тебя забрать, мы с Шамашем знаем!»

– Ты прав, Урукагина, тебя ждёт слава! Об этом и только об этом я молю Шамаша и Нингирсу.

– Я верю в тебя, жрец! Вместе с тобой мы будем вершить великие дела! – напыщенно произнёс патеси, но в голове его ход мыслей был иным:

«Нет, мерзкий старикашка, ты мне нужен только нынче, а потом, прости, но место твоё – на жертвенном столе. Вот этой жертвой Нингирсу будет истинно удовлетворён!»

Но Бирос без малейшего труда читал в глазах Урукагины все его тайные помыслы, и нисколько им был не удивлён. Всё это было давно просчитано.

– Да, кстати, жрец, – вспомнил вдруг патеси, – а та рабыня после принесения жертвы тебе ведь будет не нужна?

– Что ж, забирай её, коль это для тебя так важно. Но до завтрашнего дня даже и не косись на неё!

– Да до неё ли мне теперь! Я весь в предстоящем бою! Не знаю, буду ли я жив завтра, останется ли во мне хоть капля крови?!

– Ну, если ты и погибнешь, то за великое дело, – едва скривив уголки рта в едкой улыбке, произнёс Бирос.

– Нет-нет, я погибнуть не должен, иначе Лагашу не возвыситься. Только я смогу это сделать, только за мной пойдёт народ!

– Ты не погибнешь. По крайней мере, не теперь, – задумчиво проронил жрец и тут же осознал свою оплошность.

Урукагина тоже это понял:

– Не теперь? А когда? Ты знаешь! Скажи!!

– Нет, уверяю тебя, я ничего не знаю. Я это сказал просто так, не подумав.

– Ты никогда ничего не говоришь, не подумав!

– Успокойся. Я действительно не знаю этого. Но завтра ты останешься цел, это мне сказал Шамаш! Когда же он примет нашу главную жертву, мы узнаем и всё дальнейшее.

И заговорщики душевно посмотрели друг другу в глаза, и каждый из них был уверен, что он точно знает судьбу другого. Что ж, кто-то из них должен был оказаться прав!

V

Густую, вязкую тьму легко проткнула сияющая спица и вычертила на земляном полу причудливую фигуру. Или, возможно, это упала и рассыпалась звезда, которой наскучил радужным мерцаньем холодный небосвод?

Нужно быть поэтом, чтобы описать это обычное и всё же великолепное зрелище. Но вот Роман, этот поэт до клеточки последней, не видел красоты солнечного узора. Нет, не потерял он свой дар, но он утратил тягу к жизни! Да и были к тому причины. Вернее, причина имелась одна. Поэт полулежал на грязном полу, связанный по рукам и ногам. Он был бос и гол, а тело ныло и кричало от боли – экзекуторы-жрецы добросовестно поработали плётками и ногами! Но больше всего саднила душа, будто в ней гнила и источала яд огромная заноза, и этот яд, эта токсичная зараза, жадно впитывалась душою, как алкоголь похмельным нутром, отравляя не кровь и печень, а волю к жизни! Роман потерял последние крохи оптимизма, и мысли его сплетались в клубок безнадёжности:

– Что ж, жизнь кончается когда-то, разве это для меня новость?! Конечно, нет огромного желанья умирать, но, если взглянуть на всё трезво, то так будет даже лучше. Я всё равно не разрешу ту проблему, что загнала меня в тупик. Так уж лучше разрубить одним махом этот узел. Ведь ещё немного и я доем до безумия пастью сомнений свой разум, или, что много хуже, пойду на сделку со своей совестью, сломав навеки жизнь ЕЙ! Нет, лучше смерть, пусть и такая глупая! Хотя, любая смерть глупа, если она не естественна.

Роман, как ни был сломлен, но всё же посмаковал последнюю фразу:

– Неплохо сказано. Правда, кажется, кто-то когда-то так уже говорил. Или нет?

И вновь апатия навалилась на поэта, как пьяный Урукагина на тельце очередной рабыни, и Роман погрузился в полудрёму. Нет, скорее всего, это была полусмерть. И нельзя сказать, что такое состояние было ему тягостно или даже неприятно. Наоборот, боли в теле как-то притупились, а боль в душе сменилась почти приятным онемением.

Он долго валялся безвольной колодой, как морской огурец на песчаном дне, потом открыл глаза и уставился на светлое пятно, весело сияющее посредине камеры-подвала. Роман смотрел на эту каплю солнечного света как на последний подарок жизни.

Но вот в этот солнечный зайчик вползла невесть откуда взявшаяся ящерка и замерла, наслаждаясь теплом. Тогда зайчик, словно играя с ней, неспешно, но неумолимо убегает. Ящерка подвигается к нему и опять окунается в блаженное тепло. Зайчик снова убегает, но ящерка спешит за ним. И опять, и опять.

И Роман, наблюдая за этой игрой, вдруг понимает:

– Вот где любовь к жизни! Вот где жажда её! Но это ящерка. А что же я?! Какого чёрта живу я вразрез себе же, храня от себя самого себя?! За что сомненьями-бичами я полосую свой хребет, ведь там, под рёбрами-обручами, душа, а в душе живёт ОНА! Я глупый и высокомерный поэтишка, возомнивший себя стражником истины, цербером морали! Но истины нет и быть не может, иначе мир давно бы уже распался, а мораль выдумана немощными стариками, не имеющими сил на грехи!

Роман почувствовал, как в каждый атом каждой клеточки его организма потекли живительные капельки жажды жизни. Он попытался подняться, но где там, путы, стянувшие его тело, были заплетены искусною рукою. Что там Тантал с его дурацкими муками! Муки поэта острее, ведь совсем рядом, на шее, висит пузырёк, в котором – жизнь, но эта жизнь недосягаема для него, как сущность смерти для ума.

Но поэт уже выполз из трясины хандры, его уже нельзя так просто опять в неё затащить:

– Стоп-стоп, Ромка, не дёргайся! Подумай, ведь должно же быть какое-то решенье. Да и не должно быть, а есть! И совсем простое! Не будут же меня казнить, не развязав! Пусть отрубят мне башку или посадят на колышек, но развязать-то всё равно должны! Хотя бы на пару секунд, и этого мне вполне хватит. Ты молодец, Роман! Всё будет так! И скоро, очень скоро ты увидишь ЕЁ!

VI

Закат был кровав и зловещ. Багровые горизонтальные полосы перемежались полосами алыми и светло-малиновыми, а закатывающееся за горизонт солнце поджигало эти полосы, подчёркивая зловещую кровавость.

Эх, не случайно эта картинка нарисовалась на западе, не к добру! Что-то должно случиться!

Спокойно, спокойно, мой милый читатель, я предвижу все твои негодования. Да я и сам не очень-то верю в приметы, тем более такие красивые. Но как же мне предварить те ужасы, что вскоре последуют в славном городе Лагаше? К тому же, в те века, куда мы влезли так бесцеремонно, к приметам относились с огромным уважением и трепетом. Тогда приметы кроили судьбы не только отдельных человеков, но и целых государств. А уж сколько народу порезали, пожгли и потопили из-за этих дурацких примет – и числа им нет!

Ну вот, так и есть, что я вам говорил?! Не успело солнышко спрятаться за край земной, как в Лагаш пришёл ужас!

Урукагина, несмотря на все свои недостатки, руководителем был всё ж отменным, и войска его довольно быстро и без особого шума захватили дворец Лугальанду. Все чиновники бывшего правителя, не принявшие нового диктатора, были ловко перерезаны, а сам он арестован. С ним Урукагина хотел обойтись очень мягко, сохранив ему не только жизнь, но и часть имущества.

Но солдаты нового правителя и, конечно же, мирное население разве могло упустить такой благоприятнейший случай, чтобы во славу ни пограбить и ни порезвиться!

Если бы кто посторонний неожиданно попал в центр Лагаша, то он решил бы, что оказался в каком-то адском вертепе, начисто лишённом какой-либо логики. Но, как известно, в любом хаосе можно найти свой порядок, если, конечно, поискать хорошенько.

Меж домов, сложенных из кирпича-сырца, сновали шустрые людишки, вооружённые и нет, но все они были так деловы и целенаправленны, что было предельно ясно: они точно знают, что делают. Ах, какое же это благоприятное время для утоления низменных инстинктов! Можно запросто, под предлогом благородного свержения диктатуры, расправиться со своими врагами, да и просто с теми, кто живёт лучше вас, а, заодно, и ограбить их жилища, приумножив личное имущество. Можно с полным правом и толпой таких же, как сам, отморозков громить торговые лавчонки, опять-таки приумножая личное имущество. Почему бы этого ни делать, когда за всё отвечать будут другие!

Ах, чёрт, даже завидки берут, когда представляешь эту великую вседозволенность! Только не нужно упрекать меня в каком-то злодействе, вы и сами такие! Да-да, низменные желания присущи каждому, только одни их умело подавляют, другие подавляют с трудом, ну, а третьи эти желания исполняют, и все мы их тогда называем бандитами и мародёрами! Но вспомните историю, разве было хоть когда-то, чтоб не находились толпы желающих поживиться во время войны ли, катастрофы или иного чрезвычайного события?! А не вы ли, увидев, как перевернулась машина, перевозящая водку, бросились не на помощь водителю, а к ней, родимой, чтоб на халяву набрать выпивона?! Это были не вы? Что ж, простите, я ошибся, это, вероятно, были мерзкие шумеры!

Итак, в Лагаше царил хаотический порядок. Кто-то обогащался, кто-то нищал, кто-то истекал последними каплями крови. В общем, одним везло, другим не очень. И только женщинам не везло ни в чём. И это понятно, ведь они сами были ценной добычей. Дам хватали и тащили в сторонку, чтобы наспех насладиться их горячими прелестями, а то и совершая это действо прямо здесь, в свалке грабежа и бойни! И, пусть женщины той эпохи менее трагично

смотрели на такие вещи, но всё же их жалко. Хотя, если взглянуть на это более философски, то некоторый смысл найти в том варварстве можно. Поскольку много народу отдаст концы в этой резне, то им нужна будет замена, и это через девять месяцев и произойдёт. Демографический баланс останется в равновесии. Да ещё, возможно, кое-кто из женщин получит удовольствие от экстремального совокупления – таких нынче сколько угодно, значит, и тогда они были. И ревнивые мужья не смогут ни в чём упрекнуть своих жён – виноваты народные массы, а, следовательно, не виноват никто!

Ночь близилась к концу. Во дворце Урукагина принимал присягу у тех вельмож, что признали его как правителя Лагаша. И таковых было очень много, видать, не слишком-то они ценили прежнего господина.

И вот все вопросы решены, и патеси остался один. С ним лишь начальник его личной стражи Мардук. Он ещё молод, силён и красив и телом, и лицом:

– Всё, господин, сделано, как ты приказал. Лугальанду с семьёй под охраной в надёжном месте. У него будет всё, что он пожелает.

– Теперь вот что, Мардук, меня тревожит Бирос, – патеси подошёл к слуге вплотную. – Он меня очень тревожит!

– Я понимаю, господин, Бироса сегодня же не будет!

– Нет, сделай это через два дня, но так, чтобы никто не узнал истинной причины! И будь осторожен, жрец в дружбе с Шамашем, да и его приспешники не так-то просты!

– Я, господин, не боюсь ни Шамаша, ни Нингирсу, я в них не верю! А со жреческой братией проблем не будет, тем более что половина их давно служит мне!

– Я восхищаюсь тобой, Мардук, но не признавать богов – это кощунственно.

– Что ж, господин, это так, но никто не знает моих мыслей, лишь ты один, а для тебя ведь главное не это.

– Да, для меня главное, чтоб ты служил только мне!

– Так и будет!

– Тогда иди, я хочу побыть один.

Мардук поклонился Урукагине, но не раболепно, а почти как равному, и это не ускользнуло от патеси. Он опустился на ложе и бросил взгляд на дверь, за которой скрылся слуга:

– А Мардук-то поопаснее Бироса будет, нужно с ним разобраться незамедлительно!

VII

Неуклюже спотыкаются стройные ножки о каменные ступени, словно не юной деве они служат, а сгорбленной немощью старухе. Не вздрагивают в такт шагов налитые девственным соблазном груди. Поникло, ссутулилось стройное тело, и греховная пышность его превратилась в равнодушную полноту. А эти руки, созданные для ласк и лобызаний, отчего же они дрожат, будто не жаркий полдень объял славный Лагаш, а ворвалась в него ночь, зябкая и сырая?!

Ну вот, опять нагнетает, скажете вы. Может быть и так, но разве в вашей жизни не встречались трагические ситуации, разве вам не знакомы стрессы и всплески эмоций? Ах, это всё вами испытано, испробовано, перетёрто и набило оскомину?! Что-что ещё вы говорите? Что любовь не вызывает таких трагических последствий в нормальных людях? Правильно, миллион раз согласен с вами! В нормальных людях любовь вообще ничего не вызывает, потому что для них – нормальных – она и не существует. Самое большее, что они могут сделать – это влюбиться. Полюбить же способен лишь человек не нормальный, в смысле, неординарный! Вы утверждаете, что нет разницы между любовью и влюблённостью? Тогда нет разницы и между днём и ночью, между мужчиной и женщиной, между жизнью и смертью! Влюблённость – это светлое, прекрасное чувство, периодически навещающее нас, и иногда кажется, что оно пришло навсегда. Но нет, проходит время, и она угасает, блекнет, и один объект влюблённости уступает место другому, ещё более очаровательному и желанному. А любовь… Любовь – это болезнь, это бесконечный катаклизм! Она – сумасшедший коктейль, в котором намешаны счастье и разочарование, сладость и боль, надежда и безнадёжность. Любовь нельзя вылечить, ею невозможно переболеть. Кажется, что она прошла, забылась, выцвела до полной невидимости, но нет, она жива, она лишь выжидает своего часа, чтобы снова с полной силой войти в вас истинной владычицей!

Но ладно, мы немного отвлеклись, тем более что говорить о любви тем, кто ею не заболел, – пустая трата времени. Ангелина, конечно же, страдала любовной хворью, причём, в самой тяжёлой её форме, но не это сегодня так безжалостно угнетало девушку. Была ещё одна причина тому – её служебные обязанности.

Накануне Бирос призвал к себе юную жрицу:

– Завтра в полдень мы приносим главную жертву. Из твоих рук счастливец должен сделать последний глоток, прежде чем предстать перед Шамашем!

Ангелина, живо осознав суть слов Бироса, вздрогнула:

– Я должна его убить?!

– Ты дашь ему эликсир забвения, а потом мы вырвем сердце жертвы, и напоим кровью Шамаша!

Внутри девушки всё онемело, когда она представило жуткую картину жертвоприношения: вот бронзовый нож вонзается в мягкую плоть, и корявая, грязная рука Бироса вырывает из окровавленного тела сердце, ещё сокращающееся, живое!..

– Нет, я не хочу это делать! Я не смогу!!

– Что?! Да кто тебя спрашивает, рабыня! – и Бирос резанул чёрные очи девушки глазами своими, выцветшими, но жёсткими.

Ангелина попятилась под этим взглядом, словно он был материален:

– Нет, нет!

– Что ж, тогда ты ляжешь рядом с жертвой, и я сам волью в тебя последний глоток! Подумай до утра, рабыня!

Бессонна ночь, как день беззвёзден, и коротка, как путь на эшафот.

Несколько раз Ангелина доставала заветный пузырёк с волшебными горошинками, но проглотить белый шарик так и не смогла.

– Если я это сделаю, то потеряю последний шанс найти любимого, ведь он где-то здесь, моё сердце улавливает биения сердца его! Но, оставшись, мне нужно будет убить человека! Убить!! Всё, что говорит Бирос, конечно же, ложь, и то не эликсир какой-то, а обычный яд… А вдруг, там, правда, не отрава?! Зачем же умертвлять жертву, если потом нужно вырвать живое сердце?!

И вновь Ангелина ясно представила жуткую картину жертвоприношения:

– Боже, да что же это такое! Ну почему тут такие дикие законы?! – и горькая безнадёжность светлыми солёными потоками хлынула из огромных чёрных глаз.

Но так не бывает, чтобы безысходность овладевала человеком всевластно. Она лишь доходит до своего пика, а потом рушится оттуда под толчками озарений здравого смысла. Так случилось и с нашей героиней. Слёзы испарились на смуглых горячих щеках, оставив грязные полоски – и в те века прекрасный пол не хотел полагаться на природную красоту и украшал себя, как мог, только вот, несмываемую тушь шумеры придумать не смогли. Ангелина успокоилась, и в лице её появилась решимость:

– Что ж, пусть будет так, как задумал этот мерзкий жрец! Не я, так другая невольница выполнит эту работу. Но я попытаюсь хоть как-то подбодрить несчастного – может быть, он почувствует это, и ему будет не так страшно покидать наш мир. Тем более, я совсем ничего о нём не знаю. Если это человек хороший, то жаль его, несомненно, но вдруг он какой-нибудь злодей, преступник?! Хотя вряд ли, таких, насколько я знаю, в жертву не приносят. И всё равно, у меня нет выбора, я это сделаю! Мой выбор – это мой Роман, божественно гениальный, но по-детски глупый, безумно далёкий, но невероятно близкий! Ты думаешь, что убегаешь от меня, но ведь я живу в тебе, только я! И ты-то это знаешь лучше меня, но боишься отдать себя во власть любви, нет, не боишься, а ещё пока в тебе есть силы сопротивляться ей. Но силы эти будут убывать, таять, как ледяное сердце Кая под горячими слезами Герды! Ты сдашься и придёшь ко мне, и упадёшь к моим ногам, и будешь просить прощенья! А я наброшу на лицо равнодушную гримасу и… Да нет, мой любимый, я тоже упаду, и мы сольёмся в едином вздохе, в едином сердечном биении!

VIII

– Не развязали – вот развязка! Вот и ответ на все вопросы, да и нет теперь нужды делать выбор.

Роман, как был спелёнут, так и лежал на жертвенном столе. Все его члены онемели, словно их ампутировал искусный хирург, и даже душа, кажется, уже выползла из тела, приготовившись к последней, бесконечной дороге.

– Ну что ж, наверное, так будет и лучше, и честнее. А то поблуждаю по эпохам, а потом вернусь: здравствуй, любимая! А она мне не на шею бросится, а только молвит, сожалея, мол, где ж ты шлялся, старый хрен, я тебя давно позабыла!

Но все эти мысли в поэте возникали только от безнадёжности и усталости, он лишь заставлял ими, как перегородками, чувства истинные, он хотел просто уйти от реальности!

Роман пытался представить перед собою картины детства: вот кривая, неглубокая речка, где он с друзьями купался и дни, и ночи. Вот тенистый ручеёк, в котором вода почти замерзает даже в жаркий полдень. Вот потрескавшийся, вырядившийся в моховую жилетку Мамонт-камень, на горбу которого они любили посидеть…

Ах, зачем, ну зачем ты, поэт, бродишь мыслями не там, где нужно?! Ведь ты сейчас умрёшь, поэтому надо готовить себя к встрече с миром иным! А ты что сделал? Ты опять вызвал к себе ЕЁ! Это же Ангелина сидит на древнем камне, даря тебе чистую улыбку, даря тебе добрую душу, даря тебе жаркое сердце! Её озорные глаза изливают радость тебе, в них и счастье, и нетерпение – когда же ты решишься, поэт?!

Солнце ловко запрыгнуло на высший пик небесных гор, и изливало на землю весь жар своего нутра.

Роман уже весь истёк потом, и он, превратившись в толстую солёную корку, покрыл тело жёстким панцирем. Да и мысли, словно выпариваясь из усохшего мозга, стали густы и тяжелы. И казалось поэту, что не слепящее солнце сводит его с ума, а разнузданная пурга закручивает снежные шары и подбрасывает их прямо в зенит, где они взрываются с яркими вспышками. Роману стало на миг знобко, и он очень ясно увидел ту самую пургу, разродившуюся самым удивительным чудом – его любимой! А вот и ОНА. Подходит неторопливо, склоняется к нему, протягивает чашу с прохладной водой. Да, это ОНА, это ЕЁ взгляд, но… это не она! Поэт видит округлый овал смуглого лица, огромные чёрные глаза – это всего-лишь жрица!

– Всё правильно, в таком состоянии так и должно быть. Скорей бы уж кончилось это! Теперь нет никакого страха. И скоро я точно узнаю, что же есть там, за чертой, если, конечно, там что-то есть.

Жрица поднесла к губам Романа чашу, и он машинально потянулся к ней, но неожиданно почти умерший ум его обожгла невероятная мысль:

– Подожди, подожди, Ромка, а ведь у тебя появился шанс! Чёрт возьми, и жить что-то захотелось, и сердце даже забилось, как живое!

Роман попытался пошевелиться, но путы были прочны. Тогда он разлепил испещрённые сетью трещинок губы и прохрипел:

– Прошу, прошу тебя, о, жрица, смилуйся, исполни последнее желанье! Ты так прекрасна, но ты и так же добра, я знаю! Вот здесь, на шее, висит пузырёк, а в нём горошинки. Кинь мне в рот одну, сверши это чудо!

Роман увидел, как руки жрицы дрогнули, и чаша выпала из них. Лицо девушки склонилось к лицу его, и поэту вновь почудилось, что он знает этот взгляд, самый прекрасный,

самый желанный! И сердце его забилось неровно, оно сбилось с такта и торопилось поймать ритм другой, казалось, такой знакомый!

Послышался чей-то недовольный голос, и Роман узнал в нём баритон Бироса.

– Скорее, жрица, скорее!

Но не было нужды ему торопить девушку. Пальцы её, изящные и гибкие, уже вытряхнули из пузырька горошинку на ладонь. Жрица ещё раз взглянула на Романа, и он увидел в её глазах не то испуг, не то восторг.

– Бог мой, а вдруг её теперь казнят, когда увидят, что я исчез, – подумал поэт, но было уже поздно: шарик быстро растаял в иссохшем рту.

Ушли и жар, и боль, и свет, и ужас казни. И прекрасная жрица растворилась, как тень в сумерках. Всё погасло на несколько мгновений, а потом перед Романом, далёкая, как туманность Андромеды, проявилась Ангелина, вернее, милое лицо её. Оно медленно приближалось, и скоро уже можно будет разглядеть любимые глаза, в которых – Роман знает! – есть то, ради чего он и живёт – ответ на его неразрешимую дилемму. Сейчас он узнает его, сейчас! Но опять всё меркнет, и поэт погружается в липкую, но приятную трясину…

IX

Урукагина упивался сладостью победы. Он возлежал на ложе свергнутого правителя, даже не переменив одежд, обрызганных засохшей кровью. Рука поглаживала рукоять меча, выполненную из кости, инкрустированной золотом. Лезвие же бронзового оружия было сплошь покрыто зубцами, знать, немало поработало нынешней ночью.

Внезапно патеси вздрогнул, почувствовав чьё-то присутствие:

– Это ты, Мардук?

– Я, повелитель, – начальник личной стражи будто материализовался из воздуха, наполненного благовониями.

– Как прошло жертвоприношение? Шамаш доволен?

– Не думаю.

Урукагина резко поднялся с ложа и подошёл вплотную к слуге:

– Что ещё произошло?

– Жертва исчезла.

– Кто отвечал за охрану? Не ты ли?

– Нет, господин, жертва исчезла прямо с жертвенного стола. Невозможно понять, как это случилось!

Урукагина вперился яростным взглядом в Мардука, но тот стойко выдержал это.

– А что Бирос?

– Бирос твердит, что Шамаш принял жертву. Может быть, так оно и есть?

– Не знал я, что ты настолько наивен. Запомни: не мы служим богам, но боги служат нам!

– Но как же объяснить, что жертва исчезла прямо со стола на глазах у многих?!

– Наверняка это проделки Бироса! Жрец любит напустить таинственности в свои делишки! Сколько мы жертвуем еды, пива, золота богам, и всё это исчезает. Но не боги же забирают приношения! Их сгребают жрецы, уж ни мне тебе говорить об этом! Посмотри, как они живут – это настоящие богачи! Да и богов они уважают лишь настолько, насколько могут за их счёт поживиться!

Урукагина был очень доволен, что разговор пошёл именно по этому руслу, так легче будет отдать приказ об устранении Бироса и его приспешников.

– Ты понимаешь, Мардук, что кто-то должен ответить за то, что Шамаш не получил свою жертву?!

– Я думаю, господин, поскольку Бирос – главный жрец, то и отвечать должен он! – легко прочитал ход мыслей патеси Мардук.

– Ты очень умён. После того, как мы устраним жреческую братию, ты получишь великий подарок, – Урукагина положил руку на плечо слуги.

– А что мне делать со жрицей? Бирос хотел её бросить на жертвенный стол и вспороть ей грудь, но я не допустил этого. Мне показалось, что ты желал её видеть?

– Как мудро ты поступил, Мардук! Нет, не ей, а Биросу место на том столе! Сделай так, чтобы и солдаты, и народ узнали, кто виновен в том, что жертва не была принесена! И ещё нужно, чтобы они сами, понимаешь, сами, потребовали жестокого наказания жрецам!

Двое воинов привели Ангелину к Урукагине. Они не позволяли себе даже прикоснуться к ней, отлично зная, для чего их господин жаждет видеть эту юную прекрасную жрицу.

Да-да, читатель, Ангелина пока ещё здесь, в Шумере. И, хотя она уже точно знает, что Роман, так неожиданно спасённый ею, исчез из этого жестокого времени, но покинуть древ-

нюю страну не торопится. И здесь нет никаких странностей. Во-первых, появилась какая-то определённость – девушка точно знает, что найти любимого вполне возможно. Во-вторых, ей хочется себя немного помучить, ведь бывает так приятно, прострадав целый день от жажды, взять в руки стакан с прохладной водой и, глядя на живительную влагу, помедлить минуту-другую, оттягивая сладостный момент! И, в-третьих, не могла эта нежная девушка, но с характером твёрдым, как воля стоика, не хлопнуть на прощанье дверью, не высказать то, что она думает о некоторых правителях. Вы, конечно, догадались, кто были эти правители. И, если Бирусу Ангелина не успела высказать все комплименты, приготовленные для него, то Урукагина должен был их услышать. А в том, что тот её обязательно захочет сделать своей наложницей, девушка не сомневалась.

Воины ввели жрицу в опочивальню Урукагины и мгновенно исчезли.

– Я рад тебя видеть, о, восхитительная! – алчно сверкнул глазами патеси, облизывая взглядом пышные формы девушки. Он полулежал на своём огромном ложе, держа в одной руке чашу с пивом.

Ангелина же нисколько не волновалась, ведь в кулачке её был зажат волшебный шарик, и она в любое мгновение могла освободить себя от компании этого чванливого жестокого тирана.

– А ты невоспитан, Урукагина! – проговорила девушка, словно влепила пощёчину по толстой, небритой щеке.

– Что-о? – недобро нахмурился патеси, впервые в жизни услышавший из уст рабыни подобные слова.

– Я говорю, что поведение твоё – хамовато! Тебя не на конюшне ли обучали хорошим манерам?

– Ты, видно, лишилась ума от страха, когда тебя едва не принесли в жертву! Благодари меня, это я приказал, чтобы тебя не трогали! И иди скорее ко мне, я весь сгораю от желания насладиться твоим юным телом!

– Ах, ты ещё не насладился?! Всю ночь, небось, насиловал и убивал, погляди, ты же весь в крови!

Урукагина отхлебнул большой глоток из чаши и отбросил её в сторону:

– Да, крови пролил я немало! Но на этой крови прорастёт могучее царство, и это царство будет моё! И всё же, в крови этой не хватает одной капли, здесь нет капли крови твоей – самой чистой крови, самой девственной! Мне нравится, что ты так дерзка. Я не отдам тебя своим солдатам после того, как наслажусь тобою, о нет! Ты мне родишь сына, такого же дерзкого и непримиримого, как сама! И он станет самым знаменитым правителем и завоевателем!

– Да что ты говоришь! – усмехнулась Ангелина. – Ах, какая честь, кровавый господин! Да ты едва меня коснёшься, как я тут же исчезну!

А дальше произошло то, чего Ангелина не могла предвидеть. Урукагина, с проворством, не вязавшемся с его тучной фигурой, вскочил и схватил девушку за кисти рук. Хватка его дланей была прочна, как объятия наручников. Жаркое дыхание, источавшее перегар пива и чеснока, почти лишило Ангелину сознания:

– Ну, что же ты не исчезаешь?!

А девушка повторяла про себя лишь одно:

«Только бы не лишиться сознания! Только бы не лишиться сознания! Тогда – смерть! Если я потеряю честь, ничто не сможет заставить меня жить! Только любимому, только Роману я отдам себя!»

– Что ж ты не исчезаешь? – повторил Урукагина и, разжав пальцы, толкнул девушку на ложе. – Всё будет так, как я хочу!

Ангелина, обретя свободу, не стала мгновенно бросать в пересохший ротик горошинку, она лишь вскочила с ложа и встала за него:

– Если бы я знала историю получше, я б тебе рассказала всё, что тебя ожидает, но, увы, училась я не на отлично!

Урукагина раскрыл рот, услышав такие непонятные слова.

– Ну что смотришь, грязный ублюдок?! Ты же невежествен, как твой последний раб! Что ты знаешь об истории, о физике, о математике?! Да ты же два на два не умножишь!

Патеси, оторопев ещё больше, подошёл к столику и отхлебнул пива прямо из медного кувшина.

– Вот твоё истинное назначение: пей да жри, отращивай пузо! Лучше бы бодибилдингом занялся или армрестлингом! – Ангелину уже понесло, и она это вовремя осознала. – Да что тебе говорить, всё равно не поймёшь!

А Урукагина уяснил лишь то, что жрица эта от страха совсем лишилась ума. Но как же стало прекрасно её личико в гневе! Глаза сверкали, извергая потоки страсти, щёки покрылись румянцем негодования! И, пусть страсть эта была иною, нежели хотелось бы ему, всё же это было восхитительно!

Урукагина принялся лихорадочно срывать с себя одежды, не отводя жадного взгляда со жрицы. А та, растерявшись на миг, наблюдала этот царственный стриптиз. Но два пальчика девушки, зажавшие горошинку, находились у самых губ.

Урукагина, сбросив с себя последнюю деталь костюма, оказался полностью обнажённым. Ангелина невольно опустила взгляд на его возбуждённое достоинство, и, удивлённо раскрыв ротик, неожиданно рассмеялась:

– И ты, великий и могучий правитель, хотел вот **этим** лишить меня чести?! Эх, жаль я микроскоп не захватила из мира нашего! Да, не завидую я твоим жёнам и наложницам!

Патеси, начисто утратив все желания, только что обуревавшие его, издал рёв, словно лев, у которого увели его гарем:

– Берегись! Сейчас я отрежу твой ядовитый язык! Но потом ты всё равно будешь извиваться подо мной, изливаясь кровью до тех пор, пока она не иссякнет!

Он схватил свой меч и медленно пошёл на девушку. Но Ангелина уже бросила горошинку на язык, и тело её начинало терять вес.

– Всего тебе нехорошего, самодур!

Урукагина, заметив, что жрица исчезает, бросился к ней и мощно махнул мечом, но тёмное лезвие пронзило лишь пустоту.

А в угасающем сознании Ангелины мелькнуло:

– И к чему я его упрекнула, что он в математике не силён?!..

X

Итак, герои наши благополучно покинули Шумер. Но мы не бросимся за ними сломя голову, а задержимся ещё на некоторое время здесь. Не знаю, как вам, а мне очень хочется узнать, что же произошло далее.

Урукагина вначале впал в ярость от неожиданного исчезновения юной жрицы и от её дерзких, обидных слов. Он в бешенстве метался по дворцу, и не сладко приходилось тем, кто попадался под горячую руку патеси! Но, несмотря на упрямство и некоторую дикость характера, был Урукагина достаточно умён, и его мозг – мозг стратега – мог работать в логическом обрамлении. Он очень быстро сопоставил два исчезновения, и стало ясно, что без богов тут не обошлось. Конечно, патеси был скорее атеистом, веря лишь в силу своего меча, но иных объяснений не возникало. Но, коль это так, то без жрецов не обойтись.

– Мардука ко мне! – угрюмо проронил Урукагина, и стражник мгновенно испарился, словно у него тоже было снадобье Ванды.

Но начальник личной стражи был уже в опочивальне – он всегда всё видел, всегда всё слышал, он знал мысли всех:

– Господин, ты желаешь видеть Бироса?

Патеси вздрогнул:

– Как ты догадался?!

– Я подумал, что тебе будет любопытно узнать подробности неудачного жертвоприношения от того, кто им руководил.

– Ты прав, как всегда, верный Мардук!

Бирос за один день догнал и даже перегнал свой истинный возраст. Если ещё вчера это был крепкий, жилистый мужчина, то сегодня перед Урукагиной стоял дряхлый старик со слезящимися глазами и трясущимися руками. А во взоре жреца не было и тени былой решимости, в нём явственно читалась обречённость.

Но Урукагина даже и не подумал поддеть Бироса, как это случалось прежде, нынче и он был уже другим.

– Скажи, Бирос, что произошло? Ты должен знать!

– Я мог бы сказать, что Шамаш принял жертву, и поэтому она исчезла…

– Брось, жрец, ты лучше меня знаешь, что это не так! Шамаш, да и Нингирсу никогда так не делали, им нужна только кровь, им нужно только золото! Хотя, золото ты оставлял себе, не так ли?!

– Всё предназначено богам! У меня нет ничего! – испуганно прикрыл лицо ладонью Бирос, словно ожидал удара.

– Успокойся, жрец, твоё золото – это твоё, мне его не нужно. Ты мне лишь объясни, как и куда пропали жертва и жрица?!

– Я не знаю, патеси, – скорбно покачал голым черепом Бирос.

– Ты должен знать. Должен! И вот что, называй меня лугаль, так будет правильнее!

– Слушаюсь, лугаль! – поклонился жрец. – Ты воистину не обычный патеси, а великий правитель!

– Хорошо, хорошо, я принимаю твою лесть! Но ты не ответил на главный вопрос!

– Мне кажется, лугаль, что это была не девчонка-жрица, это была сама богиня Инанна!

– Инанна?!

– Да.

– Я тоже так подумал бы, но вера моя в богов так не прочна. Нет, здесь есть тайна, которую нам не понять!

Урукагина помолчал минуту, потом пристально и с неласковой улыбкой глянул на Бироса:

– И всё-таки, жрец, за то, что жертвоприношение не состоялось, кто-то должен ответить!

– Я понимаю, лугаль, и готов!

– Нет, ты мне нужен живым! А поначалу я, правда, хотел с тобой разделаться. Но я решил сделать могучим наш Лагаш, а для этого мне необходимо твоё влияние и твой опыт. Мы прижмём ростовщиков, даруем права низшим, а женщины, эти лживые твари, не будут иметь по нескольку мужей! И не забывай, бог Лагаша – Нингирсу и жена его Бау! А после них, Бирос, иду только я!

– Да будет так, лугаль! Жизнь моя в твоей власти!

– Да, я это знаю. Иди, твои боги тебя заждались!

Бирос степенно поклонился и пошёл к выходу, но теперь каждый новый шаг делал жреца менее старым, и совсем скоро к нему несомненно вернётся тот моложавый, крепкий облик!

Солнце втискивало свой расплющенный лик за рваную кромку горизонта. И было похоже, что оно довольно улыбается. А может, это было не солнце, а сам бог Шамаш, до сыта напившийся крови в славном городе Лагаше? И этой кровью был забрызган не только сам бог, но и всё небо. Шамаш скатывался всё ниже и ниже, и вот он уже совсем исчез, и только багровая кровь неспешно стекает с редких облаков, капая в солнечную опочивальню…

Глава третья. САТИ

Египет. Ахетатон. 1390год до н.э.

Египет! И этим всё сказано!

Никто точно не знает, как же появилась на свете великая народность – египтяне. Большинство учёнейших мужей считают их смешением различных племён, тусовавшихся как в Африке, так и на Аравийском полуострове. Скорее всего, это так и есть. Но некоторые субъекты всё же кривят губы в презрительных ухмылках и относят древний народ прямёхонько к богам. Что ж, возможно, они не так уж и неправы, ведь ныне модно верить в божественную сущность мира, а посему египтяне, как и другие народы, выполнены Господом из подручных материалов по собственному образу и подобию. Вглядитесь в их крепкие фигуры, в их смуглые физиономии, в их густые, чёрные шевелюры – точно, копии Создателя! Хотя, мне лично он представляется немного иначе.

Как только ледники поубавили своё прохладное влияние на природу северной Африки, эта самая природа стала неудержимо портиться. Тёплый, достаточно влажный климат сменился на жаркий, и теперь дожди редко окропляли землю живительными струями. Почва трескалась, изнывая под яростно палящим солнцем, и превращалась в пустыни. Таким макаром на свете и появилась Сахара. Но зато вокруг великого Нила образовался гигантский оазис, куда и устремилось всё живое. И египтяне, конечно же, не могли не оказаться в этом райском местечке! Они быстро смекнули, что Нил, разливаясь каждый год, оставляет на халяву уйму удобрений в виде ила, и занялись земледелием. И стал им великий Нил и отцом, и матерью, и Богом. И зажили умные труженики хорошо, выращивая всякие вкусности. А потом кто-то из них – ну, самый умный – придумал, как из зерна сварить пиво, и житуха пошла не только хорошая, но и весёлая!

Но пиво не только веселит, оно ещё и по-особому расчёсывает извилины в мозгах, и эти извилины заплетаются в самые разнообразные фигуры. В случае с египтянами такими фигурами стали пирамиды. Я думаю, вы согласитесь, что с трезву такие вещи в башку не заскочат! Много трудов ушло на возведение изящных геометрических тел, много здоровья и даже жизней было брошено к их подножиям, но результаты оказались восхитительны! Уже бесконечно давно остыли следы последнего египтянина, а пирамиды всё стоят, и мы не жалеем денег, чтобы взглянуть на эти чудеса и позавидовать своим пращурам, ведь сами-то мы научились лишь возводить гранитных да бронзовых истуканов-вождей и кланяться им, вылизывая лицемерными языками их холодные пьедесталы!

Но египтяне не только лепили гигантские гробницы и ваяли загадочных сфинксов, они не забывали и завоёвывать соседние народы, пользуясь их меньшей численностью и разборками между собой. И так вот, помаленьку, прибрали они к ручкам все соседние земли, как в Африке, так и в Передней Азии.

Десятки веков укреплялась египетская империя. Сменялись династии и конкретные фараоны, развивались наука и техника, изощрялось военное искусство. Казалось, всё это будет продолжаться вечно. Ан нет! Где теперь тот могучий Египет? Где смуглолицые египтяне? Лишь полуразвалившиеся пирамиды напоминают, что было некогда великое и всесильное царство!

I

Барханы тесно жались друг к другу, напоминая своими горбами мамонтов. А вдруг и правда, давным-давно, стадо лохматых гигантов добрело до этих мест, спасаясь от нашествия грозных льдов, и уснуло, обессиленное и счастливое?! И спали они так крепко и долго, что не почувствовали, как сухие ветра добросовестно их укутали бархатными песчаными пледами. Так и остались мамонты внутри барханов, пытаясь иногда всё же выбраться оттуда. И тогда песчаные глыбы начинают двигаться, осторожно нащупывая дорогу в бесконечной пустыне…

Конь тревожно заржал, прижимая уши к голове. Он первым почувствовал приближающуюся опасность.

Ветер, вначале робко и осторожно, но с каждой минутой всё решительнее принялся заигрывать с песчаной пылью. Он, как расшалившийся ребёнок, метнул лёгкие песчинки в небесный свод, и они, закружившись, принялись умело затушёвывать сверкающую синеву. А ветер, осмелев, дунул сильнее, и с небес словно свалился жёлтый полог, скрывая все цвета, да и сам свет. В морды лошадей и в лица людей воткнулись тысячи горячих иголок. Глаза, уши, рты, носы наполнялись сухим, но неприятным теплом. Ещё немного, и все станут слепы и глухи от этого горячего дыхания пустыни.

Но действия воинов быстры и точны, а командир их умел и энергичен. Не прошло и четверти часа, как царский шатёр был поставлен, и принцесса смогла укрыться в нём. А воины вначале позаботились о лошадях, накинув на их морды мешки из грубой ткани, а потом подумали и о себе. Они быстро натянули несколько пологов и, радостно голося, спрятались в них. Теперь самум не страшен.

А в царском шатре юная принцесса горячо просит Атона и всех богов, чтобы скорее закончилась буря. Ведь ей непременно, срочно нужно попасть в столицу, в город Ахетатон! Там, в этой новой столице, встретит принцессу её отец – фараон Эхнатон. Вообще-то ещё недавно звался он Аменхетеп, да и столица была в Фивах, но этот фараон, будучи бунтарём по натуре, решил поменять своего бога, что было очень распространено в Египте. И вот бог Амон уступил место Атону, а фараон поменял имя, а, заодно, и столицу государства. Кроме того, Эхнатон любил вытаскивать людишек из самых низов и зело возвеличивать их, дабы они проводили его политику. Вам никого этот фараон не напоминает? А вы подумайте и вспомните, ведь был и у нас царь, делавший всё это так же быстро эффектно!

Итак, юная принцесса молилась о прекращении бури, и в этом ей усердно помогала её темнокожая служанка-нубийка. Это была очень даже симпатичная девушка, и лишь толстоватые губы делали её личико немного глупым, что, впрочем, и имело место быть.

– Нуби, перестань повторять за мною мои слова! – строго посмотрела на служанку принцесса, но строгость эта так не вязалась с приятным голосом.

– Госпожа, я очень хочу тебе помочь! – чёрные глазки Нуби блеснули влагой.

– Ты мне поможешь, если помолчишь. Или вот что, помолись-ка ты своим богам.

– Я была так мала, когда меня увезли из дому, что не помню их.

– Бедная девочка, – прижала принцесса голову служанки к своему плечу, – тебе столько пришлось вынести! Кому, как не мне тебя понять!

Стоп, что же это я! Расписываю тут вам девичьи прелести, а совсем позабыл сказать, что это – Ангелина! Ах, вы и сами уже догадались, что юная принцесса, так торопящаяся к своему отцу, и есть наша любимая героиня?! Конечно, конечно, это – она! Да, здесь, в Египте, Ангелине повезло гораздо больше, нежели в славном Шумере. Ещё бы, быть доч-

кой фараона, да такого прогрессивного, – об этом можно лишь мечтать! Но наша бедная девушка мечтала только об одном: о своём любимом! И эта мечта и гнала её в Ахетатон. Много времени Ангелина провела в Фивах, где денно и нощно, используя всю ей доставшуюся власть, пыталась отыскать поэта. Поиски эти были безрезультатны, и девушка уже совсем отчаялась найти Романа, когда в город примчала весть о появившемся в Ахетатоне поэте. Было известно о нём лишь то, что был он чужеродец. Но главное заключалось в том, что талант поэта был так велик, что все, не зависимо от возрастов и званий, были им покорены. Да это и понятно, будь тот поэт зауряден, разве весть о нём разнеслась бы по стране, взбудоражив умы и сердца?! Ну что могла подумать Ангелина об этом? Только одно: поэт тот – Роман!

Нуби приготовила ложе для принцессы, и та легла, пытаясь уснуть, чтобы время ожидания промчало быстрее. Но опять боги не были милосердны к Ангелине и не давали ей сна. Или, быть может, не так она молилась? Или не тем богам? Да нет таких богов, кому бы девушка ни посылала свои мольбы, ни пыталась бы обменять свою жизнь на одну лишь встречу с любимым! Впрочем, последнее она предлагала вовсе не богам, но и ТОТ, почти всемогущий, проигнорировал эту выгодную сделку!

Верная служанка, видя, что её госпожа никак не заснёт, затянула какую-то заунывную песню, словно перед нею была колыбель с младенцем. Ангелине вначале было неприятно это необычное пение, но вдруг она поняла его красоту, будто всегда жила в этом времени. Высокий и чистый голос Нуби вытягивал из души печаль, оставляя в ней покой и тепло, подобно тому, как ручей, вымывая грязь, обнажает золотые самородки. И Ангелина увидела перед собой Романа, несчастного, уставшего от самого себя. Она раскрыла объятия и бросилась к нему, но он стал быстро удаляться, и скоро вовсе пропал.

– Куда же ты, мой любимый?! Не уходи! Я мчусь к тебе в упряжке злых ветров судьбы, и ты должен это чувствовать, ты же от Господа пиит! Но вперёд меня летит моя душа, она обнимет тебя первой, и ты ощутишь её тепло! Только дождись, не убегай, не пропади во мгле веков!

Ангелина, как в горячке, металась на ложе, а верная Нуби роняла горячие росинки на смуглые щёки принцессы.

II

– Да, в неудачное времечко закинуло меня! Нет, чтобы годков на триста-четыреста пораньше! – горестно сокрушался Роман, отхлёбывая из глиняной кружки местное пивко, кое вкусом своим очень напоминало ему самую примитивную бражку. Весь египетский лик поэта выражал недовольную обиженность своею неуклюжею судьбою, хотя черты лица нашего героя, – в отличие от его шумерского варианта – на этот раз были просто безукоризненны и даже красивы.

Роман собрался было глубоко вздохнуть, дабы этим выказать своё глубокое огорчение, но передумал. Или не вовремя нагрянула минута хандры, или не так уж велико было горе его. Он ещё отхлебнул пивка и погрузился в раздумья над своим проектом.

Дело в том, что нынче Роман был зодчим. Да не простым, а самым модным и самым новаторским для того времени, и положение его было так высоко, что только фараон, жрецы и номархи стояли над ним. И всё-таки наш герой не был рад. А всё потому, что, увы, ушло время гигантских пирамид, не модны они были теперь в египетском царстве, не рвут их острые макушки тугие пологи небес. Да и желающих пограбить царские усыпальницы становится всё больше. И вот, фараоны и иные знатные персоны, придумали делать для себя скромные гробницы, не бросающиеся в глаза помпезностью. Но зато внутренняя отделочка их поражала роскошью. Только кто же это увидит?! Ясно, что не простые смертные. Им же скажут, что, мол, мы, фараоны-демократы, блюдём Египта доход, экономим ваши личные сбережения. Мы же не Хеопсы, не Джесеры, на хрена нам шиковать! Ведь наша наиглавнейшая черта – скромность без меры!

Да что там говорить, народ хитёр в делах бытухи, он в них просто дока, но в делах политики он не ловит и мухи дохлой, и обмануть его так же просто, как девку, засидевшуюся в невестах. Что я вам говорю, вы и сами это прекрасно знаете. Сколько раз, вспомните, развесив уши и раскатав губы, внимали вы с верой властям, хваля очередной их указ и радуясь мудрости и чуткости руководства! А потом, кинутые скопом, вливали в себя коктейль из водки, слёз и соплей, рвали на грудях последние рубахи и яростно грозились скинуть на хрен эти власти! Но наутро всё затушёвывалось, ярость переходила в головную боль, а решимость переворота сменялась решением опохмелки. А после эффективного лечения вновь прорастали терпимость и надежда, и слезящиеся глаза с умилением пожирали строчки нового указа, ещё более мудрого и более чуткого – вот теперь-то уж точно мы заживём так, как не жили никогда! И в этом правда – каждый новый год мы убеждаемся, что ТАК мы ещё никогда не жили!

Ах, как хотелось Роману возвести такую пирамиду, рядом с которой и Хеопсово строение показалось бы серой и мелкой фигуркой! Что ж, каждому художнику присуще некоторое тщеславие. Только в одних оно является стимулом для творчества, а в других наоборот – творчество стелет дорожку этому самому тщеславию. Но наш поэт, слава Богу, был тщеславен настолько, насколько это требовалось для созидания, и поэтому огорчение не стало его верным спутником, оно было лишь незваным гостем в минуты изредка заглядывающей хандры.

Да что же это я говорю!? Вы, небось, уже плюётесь от негодования – вот, мол, мусолит нас какими-то баснями об архитектурных веяниях, о политическом лицемерии, а о самом главном – ни слова! Уверяю вас, это не так! Можно было бы сразу, без промедлений, вскрыть Роману душу и выложить на блюдо любопытства внутренности её. Но разве это правильно? Если так делать, то мы вряд ли сможем понять наших героев, их поступки и решения. Но то,

что в вас свербит желание поскорее узнать их чувства и мысли, это просто здорово, значит, вы не равнодушны к ним, значит, и Роман, и Ангелина становятся вам близки!

Конечно же, не то, что стройка тысячелетия оказалась невозможна, угнетает Романа. Всё это напускное, всё это хреновина, фигня! Есть только одно, что гнетёт его, заставляя сотни раз в день поочерёдно решаться то на смерть, то на жизнь, сменяя отчаянность безнадёжности на восторг любви! Роман не думает об Ангелине, он ею живёт! Она всегда в нём, она всегда перед ним, и глаза её, полные любви и боли, мольбы и отчаяния жгут его сердце, и кровь, испаряясь, изливается дымящимися слезами!

И разве могло быть иначе?! Даже мысль не возникает о том, что Роман мог забыть хоть на долю мгновения свою любимую, свою юную, божественную Гелу! Да случись это, я бы, не раздумывая, умертвил своего героя, и, не сомневаюсь, вы бы это одобрили! Хотя, вряд ли так могло статься, ведь о таком герое я не стал бы писать ни строки, а вы никогда не захотели бы о нём читать!

III

Даже если тщательно обыскать всю территорию Египта с помощью лучших сыщиков всех времён, то и тогда вряд ли можно будет найти девушку лучше Сати! О, был бы я поэтом, как Роман, и всё равно не смог бы отыскать слова, чтобы описать игривость прядки волос, что брызжет чернотою и оттеняет персиковую смуглость щёчек! Не смог бы описать размах густых чёрных бровей, соединившихся – дуга к дуге – в сказочный мосток! А как сочен спелый налив полных и капризных губок, как волнует их влажный блеск! В чёрной бездне глаз таится, чуть себя прикрыв, шалость, но за нею прячутся сполохи страсти! Стан – гибок и точён – изящной выпуклостью форм разит наповал, ввергая в чувственный шторм любого, будь ты муж учёный, иль раб, иль даже фараон!

Только не нужно проливать негодование и разочарование! Я отнюдь не позабыл о нашей милой героине и нисколько не пытаюсь заретушировать её красоту. Нет во всей Вселенной девушки, прекраснее Ангелины! Нет, и быть не может!! Но после неё, поверьте, Сати – самая первая красавица! Хотя, возможно, где-то, в иных временах и государствах, тоже есть очаровательные девы. Это мы сможем узнать, когда попадём туда, если, конечно, наши герои захотят продолжить своё путешествие.

Так вот, Сати была истинная красавица, но… Но имелся и у неё недостаточек. И этим недостаточком был её характер, своенравный, даже жёсткий. Но вы и сами знаете, как часто девушки красивые имеют тот же недостаточек, не правда ли? О, как ясно я сейчас увидел благородную ярость, бьющую из очаровательных глазок! Но уверяю вас, она напрасна, ведь именно вас я не имел в виду! Простите мне, глупому сочинителю, эти суждения и слова, что поделать, моя голова сама взрыхлила сию тему!

Итак, характер Сати оставлял желать лучшего, как сказал бы опытный дипломат. А если проще, то эта красавица заставляла всех плясать под свою дудочку, играющую лишь тот мотив, что был приятен и угоден хозяйке. Как она расходилась в гневе, когда кто-то восставал против её желаний – не так играл, не так плясал, не так и не в те вживался роли! Бездны глаз искрили молниями гнева, испепеляя любого, вставшего на пути капризов этой жестокосердной красотки!

Но что-то уж больно строг я к Сати и явно несправедлив. Разве её вина в том, что родилась она на свет дочерью самого грозного номарха, а не какого-то ремесленника или раба. А отсюда и издержки воспитания. Так уж случалось во все века, да и теперь в порядке вещей, что отпрыски людей не бедных и чванливых и сами таковыми становятся, а папочки и мамочки лишь поддерживают в детишках веру в их мировую значимость! Бывают, конечно, и исключения, но они так же редки, как разумная жизнь в нашей планетарной системе.

Номарх, папочка Сати, был не просто влиятельным богатеем, он являлся ещё личным другом самого Эхнатона, и поэтому для него не существовало ничего невозможного. Кроме того, слыл он тираном и деспотом, давя до слёз свой бедный народ налогами. Но всё-таки, хоть и считал себя номарх почти что богом, а о смерти задумывался частенько, тем более что смерть в Египте была совсем не страшна, а осознанно ожидаема. Поскольку же он человеком простым не был, то и похоронить его должно было как человека значительного. А для этого требовалось две вещи: богатая усыпальница и тот, кто её сварганит. Насчёт богатства у номарха всё было в порядке, а вот с последним пристанищем дело обстояло сложнее. Конечно, архитекторы в те века не были редкостью, но данному тирану казалось оскорбительным иметь такой же склеп, как и у других вельмож, а предлагаемые проекты не очень-то отличались один от другого. И вот тогда, неизвестно откуда, в новой столице появился

зодчий-новатор, нарисовавший перед номархом такие великолепные картины, что они мгновенно покорили деспота. Номарх, не раздумывая, почти насильно увёз архитектора к себе, и тот принялся воплощать в жизнь свой замысел.

Вы без труда уже догадались, что тем самым зодчим-новатором был Роман. Он с удовольствием и желанием нырнул в работу, полный решимости создать истинный шедевр, не заморачивая себя тем, что шедевр тот предназначен для злобного и своенравного деспота. Для Романа существовало лишь творчество, в котором он мечтал утопить себя полностью, робко надеясь, что оно поможет ему хоть немного пригасить бушующую в сердце любовь. Он работал безостановочно, прерываясь лишь на еду и сон, но образ любимой становился только ярче и зримей, а она сама – желаннее и дороже!..

Нет, не могла не заметить Сати красавца-зодчего, хотя бы потому, что и сама она слыла человеком образованным и даже могла слагать стихи. Да, папочка не жалел сил на то, чтобы дочурка его получила самое лучшее образование, и несколько жрецов постоянно находились в его имении, отдавая свои знания способной ученице. Но Сати, хоть и имела к учению большие способности, относилась к нему с холодком, считая всё это прихотью папочки, мечтавшего выдать дочь замуж за самого фараона. Ей, конечно, тоже хотелось бы встать на самую высшую ступеньку власти, но вот беда, была Сати, хоть это и не очень с ней вязалось, романтична и мечтательна!

И когда девушка впервые увидела немолодого, но стройного и красивого лицом архитектора, сердце её сладостно затрепетало, подобно бабочке, поймавшей первый солнечный луч после зимней спячки. Сати, ещё не осознавая, что это любовь робко царапается в дверцу её души, стала много времени проводить рядом с красавцем зодчим, невзирая на то, что был он с нею более чем прохладен.

IV

Интересно, а как в человека вселилась разумность? Ведь что-то должно было подвигнуть гомо сапиенс к мыслительному процессу, что-то должно было толкануть двуногих млекопитающих на скользкую дорожку логического соображения?!

Многие, очень многие, считают, что таковой причиной стала работа. Она, дескать, и заставила человеков не просто что-либо делать, а совершать это строго определённым образом, а отсюда и развитие умственных начал. Именно работа, производимая до нужного числа потов и совершаемая осознанно для общества и семьи, явилась бойком, воспламенившим капсюль разума.

Иные же, более романтичные натуры, уверены, что только любовь могла заставить человека обратить инстинкты в разум. Это, конечно, очень оригинальная версия, но мне лично она не импонирует, особенно, когда вспоминаешь все те глупости, которые сам совершил, находясь в любовном исступлении! Эх, как же тогда бывает далеко не только до какого-то разума, но и до примитивной логики вообще!

Ещё кое-кто думает, что основа разума – естественное любопытство, от природы щедро заложенное не только в людях, но и в других животных. Предположим, схватил человечек первобытный своею волосатою ручкой горящую головешку, находясь во власти этого любопытства, а огонёк его – цап больно-пребольно! И сразу в глотке родился вопль, а в головке – разум, и стал человечек соображать, как ему лучше браться за опасные предметы в другой раз. И опять здесь я вижу нестыковку: ведь раз обжегшись, вряд ли кто вообще станет хвататься за огонь когда-либо!

Нет, кто бы что ни говорил, но я твёрдо уверен, что ось прогресса и толкатель разума – торговля! Как только первый человек обменял лишнюю шкуру на кусок мамонтятины, он моментально почувствовал своё превосходство над остальными! А потом он осознал и силу этого процесса, когда смог за какие-то вещи получать не только еду, но и пародию на любовь. Но вся полнота разума выявилась лишь в тот момент, когда первобытный дикарь сумел втюхать ближнему своему сгнившую шкуру как товар высшего сорта! После этого действия разум стал развиваться неудержимо и изощрённо, превращая людей просто разумных в торговцев-виртуозов! Что, если не торговля, закаляет и острит ум?! А как бодрит приятной свежестью ловля процентов барыша! Это же просто наслаждение – продать то, что сгнило или же чистый брак, это просто радость – обуть доверчивого лоха!

Базар восточный, вероятно, вечен! Он криклив, хвастлив, нечист, широк. Хитры торговцы, клиенты беспечны, но именно здесь и бурлит поток разумности! Не знаю точно, но мне думается, что Адам с Евой, выкатившись из ворот Эдема, попали на базар. Кто там торговал, спросите вы, если род человеческий ещё не начал свой путь? Не знаю. Может, ангелы, может, черти, но базар был наверняка! Его не могло не быть!

Базар египетской столицы бурлил, шумел, благоухал. Здесь можно купить всё, что угодно любой, даже самой извращённой душе. Всевозможные яства и напитки, одежды и обувь, животные и посуда, услуги лекарей и брадобреев, возчиков и жриц любви – вот неполный список товаров столичного базара. Сытые торговцы, увешанные гроздьями пота, расхваливают свой товар как величайшее и единственное чудо, хватая прохожих за одежду, плечи и иные места их тел, которые подворачиваются под руку. Они орут, не жалея осипшие глотки, но то их повседневная работа, и покупатель это знает. Он проходит с достоинством, уверенный, что его не так-то легко надуть, и, чтобы сбросить цену, отчаянно хает товар. Но всё это входит в правила игры. Торговец, конечно же, скинет пару монет, но всё равно он останется в барыше, ведь его цена изначально завышена. Зато довольный покупатель, гор-

дый своим умением торговаться, так легко расстанется с деньгами и купит товар, зачастую совсем не тот, который и хотел приобрести!

Вдруг – разом – гул базарный умолк, но почти мгновенно перешёл в недовольный громкий ропот. Толпа завыла, стала редеть, раздаваясь в стороны, а в неё влетел азартный джигит. Он уверенно прокладывал путь в людском потоке, как слон в бамбуковых зарослях, а в высоко поднятой его руке была длинная плеть. Джигит смачно, но без злости опускал жало плети то направо, то налево, поторапливая самых медлительных. А вот за ним показалась и пышная кавалькада, и та, ради которой воин не щадил чужих спин. Это была юная принцесса, грациозно и уверенно сидящая на белом коне. На ней бал одет калазирис цвета весеннего неба, так ловко подчёркивающий ладные формы тела и безукоризненные черты лица.

Ропот недовольства мгновенно сменился гулом восхищения, и толпа стала прижиматься к всадникам. Но воины это предусмотрели. Они уже заключили принцессу в неровный овал и проворно работали плётками, отжимая людскую массу. Но всем было наплевать на жалящие укусы плёток, ведь вот она, краса и гордость фараонства, совсем рядом! Да за чудо лицезреть её разве жалко раз-другой подставить плечи под плеть?!

Ах, Ангелина, как же ты любима в египетской земле! Всем, всем мил твой образ, но особенно, мне! Ну что без тебя наш мир безликий – пустыня лунная, мираж?! В нём нет ни радости, ни света, есть лишь грусть, обыденность. Как солнца луч в ноябрьской хмури, как пенье вешнее синиц, как штиль в финале грозной бури – свет глаз твоих и взмах ресниц!

О, Боже, простите, я впал в плен дурмана! Но что поделать, коли мне так близка и дорога моя героиня! Мне иногда кажется, что это я, а не Роман схожу с ума от любви к ней! И только поэтому я говорю словами его, моего бедного поэта!

V

Нуби тенью скользнула в будуар принцессы.

– Ну, как? Ты всё узнала? – юная царевна устремила взгляд на служанку, и в глазах её затрепетало нетерпеливое волнение.

– Да, госпожа.

– Так не молчи, говори скорее!

– У всех подруг я расспросила о нём и теперь его вижу, как живого! Он так хорош, что тех, кто в него не влюбился, в столице почти не осталось!

Глаза Нуби полыхали чёрным огнём восторга, а грудь высоко взлетала. Голос стал резок и высок, и слова слетали с уст, подобно звонким медным цепочкам, что переплелись на локотках девушки. Языку же был явно мал домик рта, и он ежесекундно высовывался, смачивая сухие губы, отчего они, повлажнев, блистали. И вновь с этих повлажневших губ просыпались слова восторга:

– Ах, как он красив, высок и строен! Не по-египетски учтив! Не докучлив он, не нагловат, но в речах – жарок и неспокоен! И сыплет он рифмами, как туча косым живительным дождём! Его стих ладен и страстен, в нём есть всё: и жар души, и мыслей круча, и красота узора слов!

Ангелина впитывала в себя каждое слово так жадно, будто от этого зависела её жизнь. Да ведь так, по сути, и было! Конечно, это он! Это он, её любимый! Кто ещё мог всколыхнуть стоячее болото Ахетатона?! Только его таланту под силу это!

– А все знатные дамы, – особо, юные, – просто пленены изысканным слогом поэта! – Продолжала меж тем Нуби. – И многие разделяют его дерзость к властям и богам. Кстати, именно за это он и брошен в темницу!

Ангелина не сразу поняла значение последних слов, но, осознав их, похолодела. Она рывком поднялась с кресла и вонзила в служанку яростный взгляд:

– Как брошен? Кем? Да ты в уме ли?!

Прежний восторг слетел с личика Нуби, а на его место по-хозяйски поместился испуг:

– Я, госпожа, не виновата!

– Я не виню тебя ни в чём. Говори, что случилось.

– Узнала я, что на днях примчался оскорблённый номарх – друг твоего папочки – и потребовал, чтобы поэта бросили в тюрьму. Он, дескать, враг Египта, предатель и самый большой злодей и развратник!

– Но почему?!

– Да говорят, что тот поэт так ославил в стихах номарха, что над ним смеялись даже рабы!

– И что же папа?

– Он поддержал своего друга, ведь от поэта досталось и самому царю!

– Да, это на него похоже! Это – он! – почти вскричала принцесса.

– Кто он? – на личике Нуби нарисовалось удивление.

– Это – он! – повторила Ангелина, но тут же, представив себя на месте Нуби, осознала всю нелепость ситуации. – Да так, один мой знакомый поэт, он всегда был дерзок.

Но умная служанка, глядя на вспыхнувшее лицо госпожи, почувствовала, что здесь не всё так просто. И следующие слова принцессы только подтвердили это:

– Ты должна увидеть его!

– Я?

– Да! Хотя, нет. Увидеть его нужно мне! Но как это сделать?!

– Да проще некуда. Кто запретит увидеть арестанта дочери царя?! Да если бы и так, то папа твой лишь словечко скажет, и любая дверь любой темницы распахнётся!

– Ты не понимаешь, Нуби, я хочу увидеть его, но так, чтобы меня никто не узнал!

– Тогда ничего не получится.

– Но я должна его видеть! Должна! Придумай что-нибудь, и я подарю тебе всё, что ты пожелаешь!

Нуби, конечно, любила свою госпожу. И вовсе не по обязанности, а за её доброту к ней, за щедрость. Но Нуби была молода и красива, и драгоценные вещи она любила не меньше. Поэтому появившуюся проблему она разрешила очень быстро:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.